

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс»

Гуманитарные аспекты ОХОТЫ И ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

IV Международная научно-практическая конференция

28-31 октября 2016 г.

Иркутск – 2016

УДК 639.1
ББК 47.1
Г 94

Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 4-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября – 2016 г.) / редкол.: А.В. Винобер [и др.]; Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс». – Иркутск: Оттиск, 2016. – 92 с.

В сборнике представлены результаты многоаспектного и междисциплинарного исследования феномена охоты и охотничьего хозяйства. Рассматриваются вопросы истории, вопросы философии, методологии, этики и социологии охотничьего хозяйства. Обсуждаются экономические и правовые проблемы охотничьего хозяйства, антиохотничьи тенденции, состояние и проблемы охотничьего туризма.

Редакционная коллегия:

Винобер А.В. – ответственный редактор, председатель оргкомитета, руководитель Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Гололобов Е.И. – д.и.н., проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета

Еськов Е.К. – д.б.н., декан факультета охотоведения и биоэкологи Российского государственного аграрного заочного университета

Бочарников В.Н. – д.б.н., ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН

Сафонов В.Г. – д.б.н., главный научный сотрудник, чл.-корр. РАН ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова РАН

Леонтьев Д.Ф. – д.б.н., зав. кафедрой технологии продукции охотничьего хозяйства и лесного дела ИГАУ им. А.А. Ежевского

Вашукевич Ю.Е. – к.э.н., зав. кафедрой экономики и организации охотничьего хозяйства ИГАУ им. А.А. Ежевского

Никифоров А.П. – генеральный директор ООО «Абсолютная Сибирь»

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

ISBN 978-5-9909043-7-8

© Фонд поддержки развития биосферного
хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», 2016.

© Авторы, 2016

© Художественное оформление А. В. Угренинова

Оглавление

<i>Секция «История охоты и охотничьего хозяйства»</i>	4
Б.О. Юмов. Исторический обзор способов охоты бурят	4
В.Т. Седалищев, В.А. Однокурцев. История развития охотничьего хозяйства в Якутии	6
Ю.А. Слепцов. Обычаи эвенов Якутии при охоте на медведя	11
В.Н. Степаненко. Охота в культуре сибирской деревни	13
А.В. Винобер. История иркутской школы охотоведения. Очерк первый	22
<i>Секция «Охота и антиохотничьи тенденции в современном обществе»</i>	26
А. В. Пушкин. К вопросу о привлечении антиохотников к правовой ответственности	26
<i>Секция «Экономические и правовые проблемы охоты и охотничьего хозяйства»</i>	30
Б.А. Молчанов. Обычно-правовые нормы и правоприменительная практика народов Севера и Сибири России в борьбе с незаконной охотой (браконьерством)	30
А.А. Гартфельд. Законодательство досоветской России о сохранении животного мира и борьбе с браконьерством	42
С.Н. Кузнецова. Проблемы проведения общественных обсуждений проекта лимитов и квот изъятия охотничьих животных	53
В.В. Величенко. Будущее российской охоты глазами чиновника	59
Ю.П. Шубин. Проблемы определения крупного ущерба при квалификации незаконной охоты	62
<i>Секция «Производство охоты и охотничьего хозяйства (правовые, экономические и организационные аспекты)»</i>	65
А. В. Пушкин, А. С. Кирилловых. О некоторых проблемах, возникающих на пути развития рынка пищевой продукции охотничьего хозяйства, обусловленных ветеринарными требованиями	65
Т.Н. Макарова, А.Д. Горохов. Биотехнические мероприятия в охотхозяйстве «Дубровское» Костанайской области	74
<i>Секция «Роль охотничьего хозяйства в сохранении редких и исчезающих животных»</i>	80
А.П. Ганзевич, А.В. Ганзевич. Мониторинг амурского тигра на территории ФГБУ «ГООХ «Орлиное» и апробация комбинированного способа учета	80
<i>Секция «Охотничий туризм: состояние, проблемы и перспективы»</i>	87
Н. И. Быков, С. В. Бердюгина, А. С. Еремин. Определение устойчивого охотничьего туризма	87

УДК 639.1.397

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР СПОСОБОВ ОХОТЫ БУРЯТ

Б.О. Юмов

Бурятская ГСХА, Улан-Удэ, Россия

В сообщении рассматриваются способы охоты бурят. Отмечено, что преобладают способы добычи животных при личном участии человека, а способы добычи самоловами не получили широкого распространения.

Ключевые слова: охота, добыча, способ, самолов, этнос.

HISTORICAL REVIEW OF BURYAT HUNTING METHODS

B.O. Yumov

Buryat SAA, Ulan-Ude, Russia

The report discusses how the Buryats hunting. It is noted, that the predominant animal hunting methods are with the personal participation of the hunter, and methods of self-catches had not widely spread.

Key words: hunting, prey, method, self-catch, ethnicity.

Различные этносы, охотясь на разные виды животных, вырабатывали свои способы и приемы охоты, имели средства (технику, приспособления) добычи наилучшим образом приспособленные для местных условий. Естественно большое значение имел обмен охотничьим опытом, оружием и снаряжением между соседними народами. У бурят существовали облавные, одиночные, с ловчими животными, активные и пассивные способы охоты.

С собаками разных пород. Буряты содержали различных собак: лаек, волкодавов, борзоватых подобных тайганам (исключая волкодавов – БМВ (бурят-монгольский волкодав), кинологи отнесли бы их к лайкоидам), которые использовались на различных охотах и по разным охотничьим животным. В тайге для охоты на пушного зверя и по копытным (кабану, лосю, кабарге) использовались различные отродья лаек. В лесостепной местности лисиц травили при помощи борзоватых тайганоподобных собак.

Без собаки, с приемами охоты:

1) заганивание животных до утомления. Заганивание дзеренов, куланов с подменными лошадьми описано путешественниками П.С. Паллас (1788). Заганивание дзеренов с совмещением ранящих орудий описано у А.А. Черкасовым (1867), в Даурии русские промышленники и инородцы применяли заганивание этих антилоп в тростниковые заросли степных озер,

где предварительно косо подрезались тростинки, о которые сильно ранились животные.

2) *подкарауливание животных (засада)*. Подкарауливание применяется бурятами на разных охотах и на различные виды зверей и птиц. Часто подкарауливают у выхода из норы тарбагана, на переходах и переправах многие виды копытных, последних часто подкарауливают на «убурах» и «марянах». Охота на естественных и искусственных солонцах. Медведя, волка и лисицу стреляют, подкарауливая на различных привадах. Водоплавающую птицу караулят на небольших кормных водоемах, на невысоких перевалах между двумя водоемами, тетеревиных на их «токах».

3) *скрадывание*. Скрадывание наиболее распространенный способ индивидуальной охоты, используется на разных охотах и на разные виды добычи.

4) *облава*. Облавные охоты бурят хорошо описаны И. Вамбоцыреновым (1890), М.Н. Хангаловым (1958-1960), С.А. Гурулевым (1996) и другими. Эти охоты предоставляли осенью и ранней зимой в значительном количестве мясо и шкуры диких животных. Кроме того, ранее они выполняли функции войсковых учений и смотров. В настоящее время большие загоны с привлечением большого количества участников и с использованием всадников в качестве загонщиков, видимо, являются отголосками былых облавных охот. Современные загоны являются по существу прогонами, которые требуют знаний особенностей участка охоты и повадок объекта охоты. Наганивание зверя или птицы на хороших стрелков имело у бурят широкое распространение, такие приемы использовались при охоте на дроф, куланов (чикитаев), косуль, изюбрей, лисиц и др.

Следует отметить, при проведении облавных охот часть животных обязательно отпускались, т.е. размыкалось кольцо облавы, подранки подлежали добору.

5) *выслеживание*. Выслеживание охотничьего животного почти обязательный прием во многих видах охоты, так например, на соболиной охоте охотник помогает даже опытной собаке выправить след. Есть охотники, предпочитающие белковать и соболевать без собаки, вполне обходясь собственными органами чувств.

6) *выгон зверя из убежища, норы и т.п. или извлечение его оттуда разными способами*. Выгон зверя из норы или убежищ производился разными способами выкуриванием, выстукиванием и т.д.

Самоловные способы охоты у бурят не имели широкого распространения.

Список литературы

1. Вамбоцыренов И. Аба-хайдак, облава у хоринских бурят /И. Вамбоцыренов // ИВСОРГО. — Иркутск, 1890. — Т. XXI, № 2. — С. 29—34.
2. Гурулев С.А. (Д. Жаргалов) Облавные охоты до и после Чингис-хана / С.А. Гурулев. - Иркутск, 1996. - 176 с.
3. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства / П.С. Паллас. — Спб.: Изд-во Имп. АН, 1788. — Ч. III, кн. I. — 480 с.
4. Хангалов М.Н. Собр. соч. / М.Н. Хангалов. — Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1958 - 1960. — Т. 1 - 3.
5. Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири / А.А. Черкасов. – СПб., 1867. – 707 с.

УДК 639.1:94(571.56)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В ЯКУТИИ

В.Т. Седалищев, В.А. Однокурцев

Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, Якутск, Россия

e-mail: odnokurtsev@ibpc.ysn.ru

Рассматриваются периоды развития охотничьего хозяйства с 1918 по 2010 гг. Одной из первых общественных организаций занимающейся заготовками пушнины в Якутии была кооперативная организация «Холбос». На данный период кроме ОА ФАПК «Сахабулт» появилось более 400 охотпользователей, которые сами могут самостоятельно участвовать в аукционах, продавать пушнину любым частным лицам

Ключевые слова: Якутия, промысел, пушнина, заготовка, заготовительные организации.

THE DEVELOPMENT HISTORY OF THE HUNTING INDUSTRY IN YAKUTIA

V.T. Sedalishchev, V.A. Odnokurtsev

Institute for Biological Problems of Cryolithozone SB RAS, Yakutsk, Russia

Development stages of the hunting industry since 1918 to 2010 are discussed. One of the first public fur harvesting organizations in Yakutia was cooperative organization “Kholbos”. At this period, in addition to OJSC financial and agribusiness group “Sakhabult” more than 400 hunters appeared which are eligible to participate independently in auctions and sell furs to any private persons.

Key words: Yakutia, hunting, furs, fur harvesting, fur harvesting organizations.

Почти вся территория Якутии (3103,2 км²) представляет охотничьи угодья, в составе которых тундровые занимают около 13%, лесные – 60, водные – 2,5 и болотные – 10% всей территории. Якутия издавна являлась основным поставщиком пушнины, и погоня за ней была одним из важнейших стимулов проникновения русских служилых людей в Якутию в XVII веке. С этих времен охотничий промысел становится одной из основных отраслей

хозяйства местного населения и его продукция (пушнина) была средством выплаты дани – ясака и обменным товаром.

Современная фауна Якутии включает 62 вида млекопитающих (Попов и др., 1980). Среди них 26 видов млекопитающих являются охотничье-промысловыми животными. Якутия располагает значительными ресурсами промысловых животных и до 1991 г. являлась одним из основных поставщиков пушнины в бывшем Союзе. На долю республики приходилось около 20% заготавливаемой союзной пушнины.

По данным С.Т. Семкиной (1979) одной из первых общественных организаций, занявшейся заготовками пушнины в Якутии была кооперативная организация «Холбос». Закупка и сбыт пушнины были главными направлениями деятельности «Холбос» и протекали достаточно успешно через кооперативы и частных лиц. Еще в далеком 1918 г., накануне образования первого объединения кооперативов «Холбос», из 67 кооперативов 59 занимались заготовкой промысловой пушнины. В 1953 г. удельный вес заготовки пушнины респотребсоюзом «Холбос» составлял 86,4% от общего объема её заготовок по республике. В отдельные годы респотребсоюз «Холбос» сдавал государству белчиных шкурок до 1,1 млн. штук, горностаю до 153 тыс. штук, колонку до 25 тыс. штук и зайца-беляка до 1,6 млн. штук. В 1960 г. объем заготовок достигал 5,9 млн. руб. (в ценах того времени). В системе «Холбос» промыслом занимались 5609 кадровых охотников и около 3000 охотников-любителей. Такое положение сохранялось вплоть до создания и передачи пушного промысла административным путем в ведение Министерства сельского хозяйства.

Кроме того, с 1937 по 1950 гг. респотребсоюз «Холбос» финансировал и организовывал расселение ондатры, а с 1950 г. работы по реакклиматизации соболя. Эти виды сегодня являются основой пушных заготовок в республике.

К концу первой пятилетки в Якутии была введена организованная плановая заготовка пушнины методом контрактации у колхозов и трудовых единоличников и началась организация охотничье-промыслового хозяйства, как отрасли сельского хозяйства Якутии. Охотники-единоличники объединились в простейшие охотничьи товарищества.

Длительный период потребовался для того, чтобы реорганизовать простейшие товарищества в сельхозартели. К концу 1940 г. реорганизация была в основном закончена, и с этого времени колхозы стали основными поставщиками пушнины. Охотничий промысел стал развиваться вместе с колхозным производством, как важная отрасль сельскохозяйственного производства Якутии в комплексе с рыбным промыслом, оленеводством и

скотоводством. В послевоенный период развитие пушного промысла позволило колхозам значительно укрепить свою экономику. Так, в 1951-1955 гг. в северных колхозах Якутии охотничий промысел давал 26-31% всех доходов и являлся важнейшим источником получения денежных средств для колхозников.

В конце 1961 г. северные колхозы были преобразованы в совхозы. С середины 1963 г. совхозы стали самостоятельно заниматься всеми вопросами связанными с ведением охотничьего хозяйства. В совхозах охотник превратился из сдатчика пушнины в рабочего, получавшего государственную зарплату, спецодежду, бесплатный транспорт и орудия лова.

В 70-х годах в Якутии стали создаваться госпромхозы. За время своей деятельности промхозы внесли существенный вклад в стабилизацию заготовок пушнины и уменьшили их спад. В промхозах была создана значительная материальная база, которая позволяла осваивать воспроизводственные природные ресурсы, сохранить кадры профессиональных охотников-промысловиков. В промхозах всегда уделялось большое внимание заботе об охране и воспроизводству используемых ресурсов. Данная форма комплексного ведения охотничье-промыслового хозяйства вполне себя оправдала. Например, госпромхозы ПО «Якутпромхота» за 20 лет существования превратились в рентабельные хозяйства по комплексному освоению природных ресурсов. Объём ежегодной заготовки пушнины в промхозах был равен половине объёма заготовок совхозов Госагропрома, при этом в расчёте на одно хозяйство в промхозах пушнины приходилось в 5 раз больше, чем в среднем на один совхоз, а на учётные и воспроизводственные работы ПО «Якутпромхота» выделяло до 300 тыс. рублей.

К недостаткам промхозов следует отнести то, что за время своей деятельности они постепенно старались развивать «выгодные» отрасли, которые могли давать большой объём продукции для реализации и прибыли, но не связанных с восстановлением таёжных ресурсов. В результате такой деятельности промхозы превратились в мелкие промышленные или заготовительные предприятия, в которых охота и промысловая продукция стали играть незначительную роль.

До перехода к рыночным отношениям (1991 г.) промыслом пушнины в республике занимались пять ведомств: АПК «Север», ПО «Якутпромхота», Министерство сельского хозяйства, Якутское ресохотобщество и Якутреспотребсоюз «Холбос».

С 1992 г. охотничьим промыслом в Якутии стал заниматься Национальный концерн охотничьего хозяйства «Сахабулт», который был

создан на основании Указа Президента РС (Я) М.Е. Николаевым от 28 сентября 1992 г. (за № 241). Национальный концерн охотничьего хозяйства «Сахабулт» был создан на базе производственного объединения «Якутпромохота» и заготовительно-сбытовой фирмы «Якутская пушнина» с правом распределения и реализации заготовительных лицензий на пользование ресурсами охотничьих животных, закреплении охотничьих угодий, заготовки пушнины. В ноябре 2009 г. вышел Указ «О создании государственного унитарного предприятия финансово-агропромышленного концерна «Сахабулт». Этот концерн объединил три крупных предприятия: Якутский кожевенно-обувной комбинат, Покровское зверохозяйство и концерн «Сахабулт».

В связи с Федеральным законом от 24 июля 2009 г. 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» система руководства охотничьей отрасли была передана из Министерства сельского хозяйства РФ в Министерство природных ресурсов РФ. В результате этих изменений в республике было произведено перераспределение охотничьих угодий и появилось более 400 охотпользователей разных форм собственности (КХ, кооперативы, КРО, ИП и т.д.), которые сами распоряжаются добычей пушнины, сами могут самостоятельно участвовать в аукционах, продавать пушнину любым частным сбытчикам. В связи, с чем возникло разрушение изначальной функции «Сахабулт». До 2010 г. за концерном были закреплены 48 участков в 24 районах с общей площадью 62 млн. 858 тыс. га, что составляет 26,12% от общей площади охотугодий республики и 38,5% от лесопокрытой. В свете новых законов животом мире и охоты Правительством Республики Саха (Якутия) основной приоритет по закреплению охотничьих угодий был представлен муниципальной власти для районных предприятий, частным предпринимателям и представителям малых народностей Севера. За концерном осталось закреплёнными 43 участка в 24 районах с общей площадью 22 млн. 260 тыс. га. В связи с этим общая площадь угодий концерна сократилась на 40 млн. 598 тыс. га или на 64,6%. В последующие годы предстоит большая работа по обустройству закреплённых угодий, установка аншлагов и т.д. Ведется постоянная просветительная работа среди населения своих районов, по разъяснению всех нововведений в области охоты. В данный период времени ОАО ФАПК «Сахабулт» является флагманом охотничьего хозяйства не только республики, но и Дальнего Востока Российской Федерации, известный на мировом уровне (Дмитриев, 2012).

Следует отметить, что за последние 25 лет заготовки пушнины в Якутии

претерпели существенные изменения – произошло сокращение заготовок шкурок таких видов, как белки, горностая, зайца-беляка, ондатры, колонка и песца.

Наибольшее значение в заготовках пушнины в республике принадлежит соболю. С 70-х годов соболь стал одним из важнейших пушно-промысловых видов в Якутии и удельный вес его шкурок от стоимости заготовленной пушнины всё возрастает. Если на период 1974-1983 гг. на долю соболя приходилось 31,3 стоимости от всей промысловой пушнины (Белык и др., 1986), 1983-1985 гг. – 45,0% (Поляков, Седалищев, 1989), то в 2010 г. этот показатель достиг 87,9% (Седалищев, 2012). Приведенные данные показывают, что пресс промысла на соболя в последние годы усилился, и это может в дальнейшем привести к сокращению ресурсов соболя.

В 1992 г. Указом Президента РС (Я) от 28 сентября (за № 241) ликвидировали Якутское отделение Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства (ЯО ВНИИОЗ). С ликвидацией в Якутии ЯО ВНИИОЗ перестала существовать «Служба урожая» (мониторинг за охотничье-промысловыми животными), которая следила за численностью диких зверей, прогнозировала промыслово-охотничьи ресурсы, рекомендовала квоты по рациональному их использованию и следила за состоянием среды их обитания.

Для рационального использования ресурсов пушных зверей в Якутии необходимо: ликвидировать бесконтрольный промысел; восстановить квартальный учет добычи пушных зверей по видам и районам; создание видовых кадастров (развитие экологических исследований).

Список литературы

1. Белык В.И. Современное состояние и использование пушных ресурсов в Якутии / В.И. Белык, А.В. Поляков, В.Т. Седалищев. // Охотничье промысловые ресурсы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 17-23.
2. Биология охотничье-промысловых зверей Якутии / М.В. Попов [и др.] – Новосибирск: Наука, 1980. – 117 с.
3. Дмитриев А.В. Охотничье хозяйство в современных условиях / А.В. Дмитриев // Журнал Байанай, 2012. - № 5. – С. 15-17.
4. Поляков А.В. О состоянии охотничьего промысла в Якутии / А.В. Поляков, В.Т. Седалищев // Совершенствование хозяйственного механизма в охотничьем хозяйстве. Тезисы IV науч.-производ. конф. охотоведов Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1989. – С. 73-75.
5. Седалищев В.Т. Значение соболя в заготовках пушнины в Якутии / В.Т. Седалищев // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. Матер. Междун. научно-практич. конф., посвященной 90-летию ВНИИОЗ им проф. Б.М.Житкова. – Киров, 2012. – С. 581-583.
6. Семкин С.Т. Заготовка пушнины в Якутской АССР / С.Т. Семкин // Охотничье-промысловое хозяйство Севера. Изд-во «Колос» – М., 1979. – С. 205-210.

ОБЫЧАИ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ ПРИ ОХОТЕ НА МЕДВЕДЯ

Ю.А.Слепцов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Россия

В статье дается описание обряда при охоте на медведя эвенками Якутии.

Ключевые слова: медведь, эвенки, охота, обряд, обычаи, Якутия.

CUSTOMS EVENKS OF YAKUTIA IN HUNTING BEAR

Y.A.Sleptsov

Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

The article describes the rite when hunting bear Evenks of Yakutia.

Key words: bear, Evens, hunting, ceremony, custom, Yakutia.

Медведь у эвенов имел особое сакральное значение, они считали его предком или состоящим с ними в кровном родстве. У эвенов бытовали обычаи, касающиеся медведя, которые обязательно выполнялись при его случайной добыче или по необходимости, имевшие свои особенности, в частности у эвенов, населяющих Якутию.

Момские эвенки Якутии в случае добычи медведя совершали особый обряд. Они наделяли медведя сверхъестественной способностью слышать все, что о нем говорят. Эвенки, считая медведя своим дальним родичем, специально на него не охотились. И убивали его только в исключительных случаях, например, когда медведь напал на основное стадо; когда берлога находилась на пути миграции стада; шатунов. Обязательно убивали медведя, который подходил к жилью или населенному пункту. Эвенки считают, что больной или старый медведь приходит к людям специально умирать, иначе он начинает нападать на людей и домашний скот.

В случае нападения медведя на людей обычаи в основном не соблюдались, т.к. подобная ситуация приравнивалась к войне.

Эвенки, проживающие в Якутии, мясо медведя почти не употребляют в пищу, но если это случалось, во время поедания медвежьего мяса участники трапезы должны были куковать или каркать, как будто бы мясо едят не люди, а птицы. Детям и беременным женщинам мясо медведя есть запрещалось. [2, с.147]

Накануне охоты на медведя никаких разговоров об объекте добычи не ведется, все приготовления происходят в тишине. По пути к берлоге эвенки говорят о том, что будто они ищут пропавших оленей и идут по их следу.

Подходят к берлоге очень осторожно, несмотря на то, что один из охотников накануне обследовал район охоты, прислушиваются к шорохам внутри берлоги чтобы, тем самым определить, сколько медведей находится внутри. Особых заграждений перед входом в берлогу эвены не делают, впрочем, как и раньше когда они охотились при помощи копья. Делалось это для того, чтобы на пути у охотника не было никаких препятствий, и он мог сосредоточиться на добыче. После убийства медведя согласно обычаю внутрь берлоги должен был войти самый молодой из охотников и закрепить на туше веревки, чтобы вытащить ее из берлоги. Вытаскивание тоже должно было происходить очень осторожно, так как в берлоге могли быть и другие медведи. Данный обычай воспитывал в юных охотниках мужество и преодоление страха.

При разделке туши никаких разговоров о добыче не ведется, говорят, что кто-то иной добыл [1, с. 26]. В охоте, очевидцем которого я стал, эвены приговаривали, что за ним пришел «ньохо» («якут»), подразумевая меня и тем самым подчеркивая, что они не причастны к убийству. В ответ на мое возмущение, они объяснили, что им здесь жить и кочевать, а я, мол, человек пришлый, и дух медведя простит мне это. Все этапы разделки ими комментируются, например, снимая шкуру, они приговаривали, что на самом деле они снимают доху («шубу») и т.д.

Первым делом у добытого медведя вынимали глаза, в глазницу вставляли круглые камни или мох, также мхом заполняли в носовые и ушные отверстия. Глаза всаживали вовнутрь внутренних органов. Голову разделявали так, чтобы вместе с ним вынимались вся внутренность.

По поверью, убитый медведь может запомнить лица и запах охотников и в дальнейшем преследовать их или наводить на них порчу. Вынимая глаза, эвены гадали, как долго им осталось жить, если зрительный нерв глаза вытягивается и не рвется, то считалось охотник будет жить долго, а если рвется сразу, то считалось, что охотнику осталось жить недолго. [5]

Если туша не разделялась, тогда просто распарывали живот и затем её закапывали, при этом накрывая ветками [3]. В таких случаях брали только внутреннее сало «имсэ» и желчь «дё», которые ценились как лекарственные средства [4]. Эвены считают, что мертвого медведя закапывает другой медведь в другом месте, так как у каждого медведя есть свой спутник - друг [3].

Кости медведя и голову вместе с внутренними органами после разделки клали на высокий помост или закапывали в землю. Захоронение костей животных исходит из древней философии эвенов и их представления

о единстве мира – звери, как и люди, не прекращают свое существование после смерти.

Список литературы

1. Дегтярев, А.М. Эвены Момского района Республики Саха (Якутия). / А.М. Дегтярев, Р.Г. Дегтярева, Ю.А. Слепцов. – Якутск: ЯФ ГУ «Изд-во СО РАН», 2004. – 40 с.
2. Слепцов, Ю.А. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки / Ю.А. Слепцов // Филология и человек. 2014. №2. – с. 145 - 150.
3. ПМА 2010 г. Информатор Захаров Василий Петрович, эвен, 1953 г.р., с. Хонуу Момского района, Республика Саха (Якутия).
4. ПМА 2011 г. Информатор Бокова Евдокия Николаевна, эвенка. 1934 г.р., с. Хонуу Момского района, Республика Саха (Якутия).
5. ПМА 2014 г. Информатор Слепцова Мария Семеновна, эвенка из рода Дельянкир, 1927 г.р., п. Сасыр Момского района Республики Саха (Якутия).

УДК 911.3 : 392 : 639.1

ОХОТА В КУЛЬТУРЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

В.Н. Степаненко

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», Иркутск, Россия

В статье приводятся сведения по истории охотничьей культуры сибирской деревни. При освоении Сибири русское население создало очень эффективную систему природопользования, обеспечивавшую включение в хозяйственный оборот всех доступных ресурсов животного происхождения. Культура охоты развивалась стихийно, что привело к подрыву численности и даже истреблению наиболее ценных объектов охоты. Но одновременно выработывались традиции рационального природопользования. За XX век уклад жизни населения Сибири изменился кардинально, культура охоты сибирской деревни ушла в прошлое. Но эта культура заметно влияла даже на судьбу страны.

Ключевые слова: Сибирь, население, сибирская деревня, промысловая охота, охотничья культура, объекты охоты.

HUNTING IN THE CULTURE OF THE SIBERIAN VILLAGE

V.N. Stepanenko

The federal government budget enterprise «Reserved Baikal region», Irkutsk

The article presents information on the history of hunting culture of the Siberian village. In the development of Siberia, the Russian population has created a very effective system of environmental management, to ensure inclusion in the economic turnover of all the available resources of animal origin. The culture of hunting has evolved spontaneously, which led to the undermining of the size and even the extermination of the most valuable objects of the hunting. But at the same time has developed a tradition of environmental management. For the twentieth century way of life of the population of Siberia has changed dramatically, the culture of hunting Siberian village is gone. But this culture influenced even the fate of the country

Key words: Siberia, population, siberian village, hunting industrial, Hunting culture, object of hunting.

Использование ресурсов окружающего мира для жизнеобеспечения естественно для всех народов планеты, создавших в своё время свои

оригинальные культуры адаптации к ландшафту. Составной частью всех этих культур в своё время была охота, причём при низких плотностях населения человека и наличии доступных природных ресурсов роль охоты как органичной части национальной культуры сохранялась во времени. Ещё в XIX веке для сельского населения России умение охотиться было естественны (см. сказку Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил»). В сказке так же отражено, что слои населения, в силу различных причин оторванные от природы, утрачивают охотничьи навыки.

При освоении Сибири русскими пришлое население приносило на новые территории свои охотничьи традиции и активно перенимало опыт коренных народов. На этой основе со временем вырабатывалась оригинальные традиции охоты сибирской деревни, как неотъемлемая часть её культуры. В огромной Сибири охотничьи традиции населения существенно различались по естественным причинам, но имели много общего. Сельские населенные пункты появились повсеместно, в первую очередь по сухопутным и водным транспортным путям, причём основу жизнеобеспечения всегда составляла не охота, а сельское хозяйство. Хотя русские пришли в Сибирь в первую очередь за пушниной, наиболее плотно они заселили лесостепной юг региона. Здесь основой жизнеобеспечения населения стало сельское хозяйство, в первую очередь хлебопашество. Сибирь уже в первые десятилетия после освоения полностью обеспечивала себя хлебом, причём качественным и дешёвым. В таёжной части все русские посёлки появились только в долинах крупных и средних рек, в местах, где было возможно животноводство со стойловым содержанием скота зимой и огородничество. Относительно крупные сёла были немногочисленны, преобладали небольшие, в пределах 50 - 100 дворов, деревни и посёлки. Охота в Сибири вплоть до XX века не лимитировалась (Молчанов, Гартфельд, 2015), поэтому население вырабатывало охотничьи традиции методом проб и ошибок. Культура сибирского природопользования оказалась естественной и очень эффективной, способной отрицательно влиять на объекты охоты. На разные группы видов объектов охоты эта культура влияла не одинаково.

Пушные виды. Добыче пушнины уделялось особое внимание, наиболее востребованными были самые ценные виды. В результате бобр был уничтожен очень быстро, а соболь оказался на грани истребления. Основным пушным видом стала белка. Белковые стало обязательной частью уклада жизни всех притаёжных деревень. Коренные народы охотились на пушнину преимущественно с ружьём и собакой, русские сочетали ружейную охоту с самоловным промыслом вида. Наиболее продуктивные уголья в кедровниках

обустроивались зимовьями и плашниками, то есть системами троп с деревянными самоловами – плашками. Обустроенные угодья становились объектом собственности, с правом передачи его по наследству либо продажи. Расширение площадей обустроенных плашниками угодий в глубину тайги шло постоянно, вплоть до 30-х годов XX века, порождая конфликты охотников из коренного населения с русскими (Иванов и др., 2008). Обустройство тайги требовало труда, но позволяло впоследствии на протяжении многих десятилетий снимать урожай пушнины. Собственники обустроенных угодий зачастую практиковали наём работников по обслуживанию плашников за заранее оговоренную долю добытой пушнины. Так осваивались угодья, удалённые от населённых пунктов на расстояние дневного перехода с вьючными лошадьми и более, ближние общедоступные угодья объектом собственности, как правило, не становились. Рентабельность промысла белки была достаточно высокой. Закупочная цена на её шкурки была такова, что охотники для застолья по случаю сдачи пушнины сбрасывались по белке. Стоимость одной шкурки белки в 20-е годы XX века была эквивалентна стоимости 0,5 л водки и одной солёной селёдки. С началом коллективизации собственность на угодья была отменена, а плашка, как вредное, типично кулацкое орудие промысла, запрещена. Система опромышления угодий была разрушена, дальнюю тайгу вновь осваивали во второй половине XX века. Линейцев С.Н. (2003), участник этой работы, приводит сведения, что при создании новых промысловых хозяйств проблем с кадрами охотников-промысловиков не было – они имелись в сибирских деревнях в достаточном количестве. То есть культура промысловой охоты в середине XX века была жива, что позволило создать соответствующие времени охотничье-промысловые хозяйства и вновь освоить тайгу.

Интересно, что возродить при этом самоловный промысел белки удалось только в отдельных пунктах, не смотря на программы его возрождения и усилия специалистов промхозов.

Кроме белки, в прошлом добывались все доступные пушные виды, причём колонок и горностаёв в отдельных местностях могли становиться главными объектами промысла. В общедоступных угодьях пушные ресурсы осваивались наиболее полно, здесь важными объектами охоты, кроме белки и мелких кунных, были заяц-беляк и лисица. Зайцы добывались самоловами в огромных количествах, мясо шло для личного использования, шкурки были востребованным сырьём для изготовления фетра. При экспорте заячьих шкурок из Российской Империи они учитывались не поштучно, а на вес, пудами. При возможности гарантированной добычи большого количества

зайцев практиковалась и ружейная охота. Общеизвестны сохранившиеся до наших дней коллективные охоты на зайца в Якутии. В Катангском районе Иркутской области автор сообщения в 1975 году участвовал в очень добычливой ночной охоте на зайцев в начале октября. Полностью вылинявшие беляки в темноте выходили на кормёжку на отаву сенокосных лугов, были отлично видны в темноте и подпускали охотников на 20 – 30 метров. Каждый участник охоты добывал за ночь, за несколько выходов, до тридцати зверьков. Охота носила промысловый характер, мясо зайцев солилось и затем коптилось. Имеются сведения, что эта охота не забыта и сейчас.

Крупные хищники. Русское сельское население Сибири проблему взаимоотношений с крупными хищниками решало самостоятельно и успешно. Имелись кадры квалифицированных охотников, способных добывать любые виды, в том числе медведя и волка. Даже несовершенное на наш взгляд оружие и самодельные самоловы позволяли держать численность нежелательных видов под контролем. Например, в 18 веке в наиболее заселённой части Сибири, прилегающей к Сибирскому тракту, волк стал крайне редким видом (Паллас, 1786). Следует отметить, что в настоящее время обилие волка в этих же местах значительно выше. Бурый медведь, оставаясь в тайге обычным видом, в ближних окрестностях населённых пунктов, в зоне хозяйственной деятельности, выбивался полностью. Этим обеспечивалась безопасность домашних животных на выпасе и местного населения, в первую очередь женщин и детей. Медведи регулярно заходили в освоенные людьми угодья, нападали на домашний скот, разоряли пасеки, но всех их обязательно добывали. Постоянный пресс охоты на вид повлиял на его поведение – медведи научились бояться человека и избегать встреч с ним. Тем не менее, медведь в Сибири оставался обычным повсеместно, случаев сокращения площади его ареала не отмечено.

Дикие копытные. Охоте на диких копытных традиционно уделялось особое внимание. Кроме мяса, большим спросом пользовались их шкуры, необходимые для пошива зимней одежды, меховой и кожаной обуви. Резкий рост населения, активно использующего способы охоты коренного населения, повсеместно приводил к снижению обилия копытных и даже их исчезновению. Особо истребительны были охоты по насту. Например, снежные бараны в очагах на береговых обрывах реки Ангара исчезли очень быстро, почти одновременно с освоением территории, а по реке Витим продержались вплоть до начала 20-х годов XX века. Одновременно со снежным бараном на береговых обрывах р. Витим исчез дикий кабан в Чарской котловине (Скалон, 1955). В Забайкалье, в степной Даурии,

имевшийся изолированный очаг аргали был ликвидирован многоснежной зимой 1831-32 года (Насимович, 1955) Пульсировали, постоянно уменьшаясь, ареалы лося и сибирского благородного оленя, хищнически истреблялась косуля сибирская. Примеров, когда жители небольших, в пределах 50 дворов, деревень добывали по несколько тысяч косуль, после чего эти копытные здесь исчезали на годы, достаточно много, подобное отмечалось повсеместно в настовый период после многоснежных зим (Насимович, 1955, Черкасов, 1990, Смирнов, 1978). Традиции охоты по насту русское население переняло у коренного, но уже к XX веку в плотно заселённой Южной Сибири эти бойни прекратились, общественная оценка этого явления стала резко отрицательной. Но в местах с низкой плотностью населения традиция добычи копытных по насту дожила до современности (Степаненко, 2014). В пос. Шевыкан Качугского района Иркутской области «резать коз» по насту выходили всем посёлком вплоть до его исчезновения в начале 60-х годов, но эта бойня традиционно ограничивалась сроками, не более 2 дней за весну, что позволяло добыть по 2 – 3 косули на каждую семью. В Эвенкии в 70-е годы XX века вполне официально принимали на зверофермы мясо лосей, добытых по насту, но оформляли его, чтобы сохранить видимость законности, медвежатиной. В эвенкийских таёжных посёлках добыча копытных по насту продолжается и сейчас, но на большей части ареала косули, то есть в самой заселённой части Сибири, это явление общественным мнением осуждается с начала XX века.

Промысловая нагрузка на копытных заметно влияла на их распространение и численность. Ареал дикого северного оленя отодвинулся к северу, ареалы лося и сибирского благородного оленя сокращалось повсеместно. Востребованность продукции промысла марала и изюбра росла одновременно с сокращением их ареалов, это породило новую отрасль в хозяйстве сибирской деревни – пантовое оленеводство. В начале XX века содержание сибирских благородных оленей в неволе и их разведение практиковалось на огромной, от Алтая до Забайкалья, территории. Восстановление ареалов крупных копытных началось при Советской власти и продолжалось около полувека. Но выбитые на окраинах своих видовых ареалов снежный баран, аргали и кабан не восстановлены, а ареал лесного северного оленя продолжает сокращаться. Соболь успешно восстановлен повсеместно, но ареал речного бобра – только в Западной Сибири, восточнее р.Енисей вид обитает пока отдельными изолированными очагами.

Косуля сибирская сыграла очень важную роль в освоении Сибири. Её мясо было общедоступным и очень дешёвым, а шкуры востребованы для пошива тёплой зимней одежды, необходимой для сохранения здоровья при

использовании зимой гужевого транспорта. Зимние перевозки разнообразных грузов были важнейшей составляющей хозяйственной деятельности, без тёплой меховой одежды они были вообще невозможны. Качественная косуля шкура стоила дороже мяса этого животного, Фетисов А.А.(1953) приводит сведения, что при обильной добыче косуль из тайги вывозили только их шкуры.

К концу XIX – началу XX века в южной Сибири сложилась своеобразная культура охоты на косулю сибирскую. Коллективная загонная охота проводилась в начальный период зимы, с установлением снежного покрова до устойчивой морозной погоды. В этой охоте участвовало практически всё мужское население сёл и деревень. По данным А.С. Фетисова (1953), только на загонах в первые послевоенные годы в большинстве примагистральных районов Иркутской области ежегодно добывалось примерно по 1 - 1,5 тысячи косуль в каждом, а в Усть-Ордынском округе и Качугском районе ещё больше. В Качугском районе, кроме загонной охоты, в позднеосенний период практиковалась охота на миграционных путях. Жители ныне исчезнувших таёжных посёлков (Шевыкан, Кодогон и др.) добывали до 10 копытных на каждую семью, только в окрестностях пос. Шевыкан этим способом добывалось около 500 косуль, а всего по району, по самым скромным оценкам, около 6 – 7 тысяч косуль за осень. Зимой на косулю повсеместно охотились индивидуально, но данная охота могла быть результативной только при высокой квалификации охотника. Такие охотники, добывающие за зиму по несколько десятков косуль каждый, имелись почти в каждой деревне. Летняя индивидуальная охота, преимущественно на солонцах, практиковалась повсеместно, ею занимались так же самые квалифицированные охотники, всегда немногочисленные.

Попытка оценки примерных объёмов добычи косуль, стабильно державшийся очень длительный, более полувека, период, дают результаты, в которые трудно поверить. В Прибайкалье и Забайкалье уровень добычи косуль (десятки тысяч особей в каждом регионе) превышал современную официальную численность вида.

Общедоступная охота на косулю в Сибири ограничивалась традициями. Например, с окончанием календарной зимы до появления зелёной травы косулю практически повсеместно не беспокоили. Добыча самки при летней охоте считалась позором для добытчика. Вероятно, именно поэтому традиционная для коренного населения летняя охота на лакирующих самок с манком в культуре сибирской деревни не прижилась. Самоловный промысел косуль с помощью направляющих изгородей,

развитый в Южной Сибири повсеместно, к началу XX века прекратился, но добыча косуль петлями и капканами отдельными охотниками практикуется и сейчас.

Косуля выдерживала пресс круглогодичной охоты благодаря относительной малочисленности населения и отсутствию современного транспорта. Осваивались окрестности населённых пунктов, но в более дальних угодьях охота теряла смысл и поэтому не проводилась. Государственные меры по ограничению охоты на косулю нередко противоречили местным традициям охоты и далеко не всегда были разумны. Как следствие этого, незаконная охота на вид стала традиционной. В условиях резкого роста численности населения и его транспортных возможностей это привело к подрыву численности косули. Сыграла свою роль и урбанизация – сейчас мелких посёлков почти нет, большинство охотников проживают в городах и крупных сёлах.

Пернатая дичь. Охота на пернатую дичь в Сибири всегда носила потребительский характер и была развита повсеместно. Традиционно она ограничивалась только сроками. Масштабы этой охоты в недавнем по историческим меркам прошлом впечатляют. А.Н. Формозов (1981) приводит сведения, что в 1931 году, в первый год организации плановых заготовок водоплавающей дичи в стране было заготовлено около 5 миллионов диких уток, из них в Западной Сибири 4 миллиона. Кроме заготовок, шла добыча водоплавающих и сбор их яиц для личного потребления. По сведениям этого же автора, только на озёрах Чанской системы собиралось до 9 миллионов годных к употреблению утиных яиц и уничтожалось ещё больше насиженных. Этот промысел продолжался десятки, а возможно, и сотни лет и прекратился, вероятно, в середине XX века.

Культура самоловного промысла боровой дичи в Сибири была распространена повсеместно. Стационарные ловушки на тетеревов у посевов зерновых действовали от Западной до Восточной Сибири. В центральных районах Красноярского края, на малой родине автора, в прошлом самоловы на тетеревов устанавливались повсеместно у посевов зерновых, ими добывалось от 30 до полутора сотен птиц на каждую крестьянскую семью ежегодно. Этот промысел начал угасать одновременно с коллективизацией и отменой собственности на землю и к 60-м годам XX века угас окончательно. Но в военные и послевоенные годы самоловы на тетеревов ещё действовали, причём иногда продукция промысла не только использовалась на месте, но и поступала в заготовки. Промысловый характер носила и осенняя охота на тетеревов с чучелами, очень развитая в Западной Сибири. Каждый охотник, занимавшийся этой охотой, добывал за сезон от 30-50 до 200 и более птиц. В

60-е годы, с распространением автотранспорта и депрессией численности тетерева по всей Сибири, охота с чучелами прекратилась. Самоловы на глухарей применялись так же повсеместно, этот промысел продержался до массового появления подвесных лодочных моторов.

Весенняя охота на тетеревиных и глухариних токах практиковалась так же повсеместно, причём иногда именно с помощью этой охоты велась заготовка белковой пищи на летний период. Русское население севера Томской области переняло у селькупов, местного коренного населения, культуру весенней заготовки боровой дичи. Мясо добытых на токах глухарей и тетеревов солили и затем коптили, что позволяло пользоваться весенней добычей до осени. Эта традиция в селах Томской области была жива даже в начале нашего века, но давно перестала быть массовой.

Еще в 60-е годы XX века в большинстве притаёжных колхозов Сибири весной создавали охотничьи бригады для добычи боровой и водоплавающей дичи, для обеспечения пищей всех, занятых на посевных работах. Эта практиковалось вплоть до создания совхозов и укрупнения населённых пунктов, что сопровождалось ломкой остатков привычного уклада жизни сельской Сибири и массовым исчезновением т.н. «неперспективных» поселений. В крупных сёлах роль охоты в культуре жизнеобеспечения всегда падала, что и произошло в Сибири во второй половине XX века.

Значение охоты в сибирской сельской культуре не исчерпывается государственными заготовками пушнины, мяса диких животных и пернатой дичи. Объёмы потребления дичи в Сибири длительный период находились на очень высоком уровне – от нескольких десятков до нескольких сот кг высококачественного мяса на каждую сельскую семью ежегодно. То есть культура охоты сибирской деревни влияла на здоровье её населения и даже на судьбу страны.

Сибирь стала частью России благодаря охоте. Русские люди пришли сюда в первую очередь за дикой пушниной, которая добывалась охотой. Создав адаптированную к местным условиям культуру природопользования, русские в Сибири остались русскими, что стало предпосылкой создания самой большой в мире страны. Охота, в первую очередь промысловая, стала естественной частью культуры сибирской деревни.

Общеизвестно, что в 1941 году ситуацию под Москвой переломили сибирские дивизии. Но почему именно они? Воевало одно поколение одного народа, с одинаковым уровнем морально-волевых качеств. Вооружение сибирских дивизий так же было типовым для вооружённых сил страны. Значит, сибирские дивизии превосходили другие в чём-то другом, причём это превосходство и сыграло решающую роль.

Попробуем разобраться. Воевало в основном поколение, выросшее в условиях коллективизации, поскольку страна в первой половине XX века оставалась аграрной. Коллективизация повсеместно резко сократила количество личного домашнего скота и, как следствие этого, потребление белковой пищи населением. В Сибири последствия коллективизации помогла сгладить тайга, потребление дичи в больших количествах позволило не только избежать голода, но и вырастить здоровое поколение. Это проявилось в 1941 году под Москвой. Сибирики превосходили своих сверстников из европейской части страны силой и выносливостью, они смогли выдержать сверхнапряжение сражения. Ведь война – это солдатский труд, а сила и выносливость солдат определяют их способность к этому труду. Следовательно, охотничья культура сибирской деревни стала одной из предпосылок победы в сражении за Москву.

Каждая культура живёт, пока живы её носители. Меняющиеся социально-экономические условия и время сделали своё дело – былой сибирской деревни с её оригинальной культурой охоты уже нет. Современная Сибирь уже другая, остатки былой культуры охоты преобразовались в современную охотничью культуру. Она несовершенна и уже не отвечает требованиям времени, так как противоречит принципам рационального природопользования, но существует и даже стихийно развивается.

Список литературы

1. Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрёстка. – Иркутск: Издательство «Оттиск», 2008. – 260 с.
2. Линейцев С.Н. Очерки сибирской охоты. Трилогия. Часть первая: «Таёжными тропами». Шушенское, 2003. – 200 с.
3. Молчанов Б.А., Гартфельд А.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту в российском законодательстве XVIII – XIX века. // Сб. «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства», III Международная научно-практическая конф. 28 -31 окт. 2015 г. // Иркутск, 2015. стр. 14 – 21.
4. Насимович А.А. Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М., Изд-во АН СССР, 1955. – 404 с.
5. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской Империи. Ч. 2., Кн. 2. Санкт-Петербург, 1786.
6. Скалон В.Н. Охраняйте природу. Иркутск, 1955.
7. Смирнов М.Н. Косуля в Западном Забайкалье, Новосибирск, изд-во «Наука», 1978. 192 с.
8. Степаненко В.Н. Традиции природопользования во времени. // сб. «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства», материалы международной научно-практической конференции 4 – 7 апреля 2014 г.// Иркутск, 2014. Стр. 52 -58.
9. Фетисов А.С. Косуля в Восточной Сибири. Иркутск, изд-во «Облгиз», 1950.
10. Формозов А.Н. Озёрная лесостепь и степь Западной Сибири как области массового обитания водяных птиц (Эколого-географический очерк). В кн.: Проблемы экологии и географии животных. М., Наука, 1981, с. 207 – 245.
11. Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. М., изд-во «Физкультура и спорт», 1990, 576 с.

ИСТОРИЯ ИРКУТСКОЙ ШКОЛЫ ОХОТОВЕДЕНИЯ. ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

В статье автор обращается к историческим фактам первого этапа становления иркутской школы охотоведения с 1927 по 1937 гг.

Ключевые слова: охотоведение, иркутская школа охотоведения, факультет, профессия, охотовед, высшее учебное заведение.

THE HISTORY OF IRKUTSK SCHOOL OF HUNTING SCIENCE. THE FIRST ESSAY

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia

In the article the author addresses to historical facts of the first phase of development of the Irkutsk school of hunting science from 1927 to 1937

Key words: hunting science, Irkutsk school of hunting science, faculty, profession, game manager, high school.

История всегда субъективна в изложении субъектов... Но иногда в ней можно вычислить совокупность объективных событий.

История иркутской школы охотоведов, собственно, небольшая история [1]. Она важна и интересна небольшому числу наших современников. Если сравнить её, например, с историей России, или тем более – с историей Китая – сразу становится понятным масштаб и значение. Как и то, что серьезные и масштабные историки еще не скоро смогут уделить ей достаточного внимания. И потому, имеет смысл, понемногу писать её самим, то есть – очевидцам происходивших событий и слегка к ним причастных.

Первый очерк – это первый обзор, некий абрис маршрута, по которому предстоит пройти – в надежде на последующее более глубокое погружение в тему (если повезет).

Настоящее ежедневно и ежечасно ускользает от нас в прошлое, и становится историей, но если быть точным – становится безмянным прошлым. И только отдельные, удачно или не очень удачно выхваченные фрагменты этого постоянно ускользающего в безмянность настоящего (неотвратно стремящегося в прошлое и в полную безызвестность) имеют шансы – войти в истории, стать историческим событием, фактом, преданием или мифом...

К истории иркутской школы охотоведения автор стал причастным в качестве очевидца и не очень внимательного наблюдателя в уже далеком 1982 году. С того времени не так уж много воды утекло (по историческим меркам), но ушло уже немало современников, активных участников и творцов этой локальной истории иркутского охотоведения. Они многое могли бы рассказать об истории зарождения иркутской школы охотоведения, о персонах и событиях, о достижениях и утратах... Но уже никогда не расскажут... Только разве архивные документы, статьи и письма, дневники и мемуары – если они сохранились. В наше бурное электронное время, эпистолярное и архивное выходит из моды, теряет значение и цену с большой скоростью и быстро переходит в стадию макулатуры, никому не нужной, и библиотеки и архивы в такие времена легко попадают на помойку истории...

И когда нет точных сведений, актов и описаний – рождаются мифы и предания. Мифология – это благодатное поле народного творчества. Но какова степень достоверности этих мифов и преданий? Это отдельный большой вопрос, никогда не находящий истинного разрешения.

Поэтому, возвращаемся к истории, вернее к попытке обозначить контуры нашей частной истории.

Точка отсчета.

Точка отсчета чем-то похожа на точку опоры. Вокруг неё завязывается сюжет, исток. Это почти космологическое понятие, своеобразная точка первовзрыва (или первотектона – как говорят философы). Критическая масса (надо же столько вещества и энергии в бедную точку затолкать – уж непонятно, как и зачем?! – чтобы точка эта шарахнула, и из неё получилась вселенная (так говорят физики!).

В нашем случае – точкой отсчета называют «1950 год» и «Василий Николаевич Скалон» (иногда говорят и пишут 1949 или 1951 год). Это факт, превратившийся в предание, а потом и в устойчивый миф. Поясню: сам верил большую часть сознательной жизни, что основатель иркутской школы охотоведения – Василий Николаевич Скалон... В последнее время начали одолевать некоторые сомнения. По воспоминаниям Гагиной (жены В.Н.), Скалон приезжает в Иркутск в 1931 году, и знакомится с её отцом – охотоведом Гагиным, уже несколько лет преподававшим на курсах охотоведов и второй год читающим лекции студентам института [2]. И только через 20 лет появляется отделение охотоведения на зоотехническом факультете ИСХИ, созданное Скалоном практически с «нуля»? Значит, получается, всё, что было до 1950 года – это только предыстория, недостойная называться историей?!

Безусловно, Василий Николаевич Скалон – легендарная и самая созидающая персона иркутской охотоведческой школы [7] (скалонизм до сих пор жив, и автор этой статьи – в первого курса тоже подвержен этому течению).

Но давайте немного погрузимся в стихию исторических фактов.

«Уже в 1871 г. по инициативе известного писателя и краеведа И.Г. Шведова в Иркутске было создано общество любителей правильной охоты, и с тех пор не угасал среди передовых охотников города и области огонек подлинного охотоведения», - пишет Т.Н. Гагина (жена В.И. Скалона, дочь охотоведа Н.А. Гагина) [2].

В.Н. Скалон в статье «Памяти В.К. Жарова» упоминает про курсы охотоведов при Иркутском государственном университете, которые закончил В.К. Жаров, а преподавание там вели такие замечательные специалисты как В.Ч. Дорогостайский, В.И. Дунин-Барковский, Б.Э. Петри, Н.А. Гагин...

В статье «У истоков отечественного охотоведения» В.Н. Скалона: Первым профессиональным охотоведом в начале второго десятилетия XX века был Владимир Николаевич Троицкий, ученик А.А. Силантьева, выпускник Санкт-Петербургского лесного института. ...С возникновением иркутского пушно-сырьевого института Троицкий вернулся из Новосибирска в Иркутск и все силы отдал преподавательской деятельности. С переводом института в Москву – он боролся против этого решения... В советскую эпоху первым штатным специалистом по охотоведению был Николай Афанасьевич Гагин. С 1921 года ... В.Ч. Дорогостайский – страстный охотник и профессор, заведующий кафедрой зоологии Иркутского государственного института. [8]

Кружков Н.А. статья «В.Ч. Дорогостайский – выдающийся зоолог, пионер охотоведческого образования в Иркутске». В 1923 году Виталий Чеславович избран в исполком Всероссийского Союза охотников и принял участие в налаживании охотничьего дела в Сибири... В декабре 1926 года на первом научно-исследовательском съезде по докладам В.Ч. Дорогостайского и Ю.А. Кудрявцева была принята историческая резолюция, где содержались два важных предложения: первое - осуществить в первую очередь открытие двухгодичных курсов охотоведения при Иркутском государственном университете (ИрГОСУН) и кафедры охотоведения в Омском СХИ; второе - для подготовки кадров ученых охотоведов и пушников создать соответствующую аспирантуру в иркутских вузах... С 1 июня 1927 года начали работу первые 1,5 месячные курсы охотоведения, которые организовал и руководил ими В.Ч. Дорогостайский. А 1 ноября 1927 года начали работу двухгодичные курсы охотоведения и пушного дела под

руководством того же В.Ч. Дорогостайского и этнографа, профессора Б.Э. Петри [6].

Николай Афанасьевич Гагин участвовал в 1927 году в создании Сибирских курсов охотоведения пушного дела при Иркутском государственном университете (время обучения 2 года, сделано 2 выпуска). В 1930 году на базе курсов создается институт промыслово-охотничьего и сырьевого хозяйства... Н.А. Гагин читал курсы «Введение в охотоведение», «Биология и систематика пушных зверей и птиц», «Охотничье законодательство», «Лесное хозяйство», «Лесокультурные мероприятия» [2].

В 20-е годы XX века в Иркутской области активно осуществлялись полевые статистико-экономические обследования (земле- и охотустроительные экспедиции), одним из ведущих участников которых был И.П. Копылов. Уже тогда Иннокентий Прокопьевич был автором нескольких монографий по туземному и охотничьему хозяйству (а позднее – автором первой монографии по «Экономике охотничьего хозяйства», появившейся за несколько лет до открытия отделения охотоведения в Иркутском СХИ. [3, 4, 5])

Как известно, в 1934 году (в связи с ликвидацией Всеохотсоюза) Институт пушно-промыслового и сырьевого хозяйства при Иркутском государственном университете был закрыт, а студенты этого института были переведены в бывший зоотехнический институт (Московский пушно-меховой институт).

До 1937 года В.Ч. Дорогостайский продолжал обучать более десяти аспирантов-охотоведов на педагогическом факультете ИрГОСУНа (Иркутского государственного университета). В 1937 году были репрессированы В.Ч. Дорогостайский, Б.Э. Петри... Так завершился первый этап становления охотоведческого образования в Иркутске. И это первое десятилетие официального становления иркутской школы охотоведения имеет свою точку отсчета – 1 июня 1927 года – открытие первых курсов охотоведения.

Список литературы

1. Вашукевич Ю.Е. Место иркутской школы в системе охотоведческого образования Сибири / Ю.Е. Вашукевич, С.М. Музыка, В.С. Камбалин // Зоологические и охотоведческие исследования в Казахстане и сопредельных странах: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения основателя казахстанских школ териологии и охотоведения лауреата гос. премии СССР и КазССР, члена-корреспондента АН КазССР, Аркадия Александровича Слудского, 1-2 марта 2012 г. – Алматы, 2012. – С. 289-291

2. Гагина Т.Н. Н.А. Гагин – специалист-охотовед Восточно-Сибирского края, педагог / Т.Н. Гагина // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов

: материалы междунар. научн.-прак. конф. (26-30 мая 2005 г.) – Иркутск: ИрГСХА, 2005. – С. 25-29

3. Копылов И.П. Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края по данным статистико-экономического обследования 1927 года. – Новосибирск, 1928.

4. Копылов И.П. Охотничье хозяйство Иркутской области / И. П. Копылов, под ред. И. А. Шергина. - Иркутск : Иркутское областное издательство, 1948. - 169 с.

5. Копылов И.П., Погудин А.А., Романов Н.Я. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски / Отв. ред. А. А. Сирина, М.В. Рагулина. – Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2009. – 148 с.

6. Кружков Н.А. В.Ч. Дорогостайский – выдающийся зоолог, пионер охотоведческого образования в Иркутске / Кружков Н.А. // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов : материалы междунар. научн.-прак. конф. (26-30 мая 2005 г.) – Иркутск: ИрГСХА, 2005. – С. 37-46

7. Печатные работы профессора В.Н. Скалона (аннотированный список) к 70-летию со дня рождения и 50-летию научно-исследовательской деятельности. Иркутск, 1973.

8. Скалон В.Н. У истоков отечественного охотоведения / В.Н. Скалон // Известия ИСХИ. – Вып. 26. – Т. 3 : Вопросы охотоведения, Иркутск, 1970. – С. 257-275.

Секция «Охота и антиохотничьи тенденции в современном обществе»

УДК 639.1: 35

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ АНТИОХОТНИКОВ К ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. В. Пушкин

НОУ «Институт природоресурсного и экологического права», Россия

e-mail: pushkinhunt@yandex.ru

В статье обозначается один из возможных способов привлечения антиохотников к правовой ответственности.

Ключевые слова: охота, род занятий, противники охоты, антиохотничья деятельность, права охотников, «окно возможностей», «окно Овертона», политическая технология.

ON THE ISSUE OF BRINGING TO LEGAL LIABILITY ANTI-HUNTERS

A. V. Pushkin

The Institute of ecological and natural resources law, Russia

The article refers to one of the possible ways to attract anti-hunters to legal liability.

Key words: hunting, occupation, the opponents of hunting, anti-hunting activities, the rights of hunters, «the window of opportunity», «the Overton Window», political technology.

Пресечение деятельности противников охоты (антиохотников), направленной на дискредитацию охоты, охотников и охотничьего хозяйства и на продвижение различных законодательных антиохотничьих инициатив мы считаем одним из элементов защиты прав и законных интересов

охотников (и членов их семей). **Решение проблем прав человека** (в нашем случае охотника) - это необходимая предпосылка формирования демократического правового государства, провозглашённого статьями 1 и 7 Конституции России.

В свою очередь деятельность по защите прав и свобод охотников должна рассматриваться как составляющая различных программ по развитию охотничьего хозяйства и деятельности общественных организаций охотников.

Часто высказывается мнение, что борьба с антиохотниками – это бесконечный процесс, в котором не может быть победителей и побеждённых. Мы можем согласиться с этим тезисом лишь отчасти.

Противодействие антиохотникам вполне может быть структурировано с выделением различных составляющих. Это научные разработки, эколого-просветительская работа, мониторинг и анализ деятельности антиохотников и так далее. В ряде публикаций [1, 5, 10, 11 и др.] внимание уделено ведению разъяснительной работы и «заполнению информационного пространства».

Следует обратить пристальное внимание на тот факт, что в отличие от охотников, антиохотники уже давно «перекидывают мостики» от споров и дискуссий к достижению преследуемых ими целей за счёт правовых механизмов. Примеров не мало. Из недавних можно упомянуть предложенную депутатом Государственной Думы России С. А. Дорониным инициативу под названием: «Запретить деятельность, связанную с травлей, натаской или нагонкой собак охотничьих пород на диких животных, ввести уголовную ответственность для организаторов и участников» [4, 6].

Мы считаем, что в настоящее время необходимо уделить самое серьёзное внимание разработке правовых методов противодействия антиохотникам, в том числе с их привлечением за некоторые антиохотничьи действия к юридической ответственности. В этой статье мы лишь вкратце обозначаем один из таких возможных механизмов.

Для целей дальнейшей успешной пропаганды против наветов антиохотников уместно везде и всюду преподносить охоту именно как род занятий, так как понятие «род занятий» поглощает и профессиональную и любительскую и спортивную составляющую охоты и даже охватывает собою рассмотрение охоты как отдыха или увлечения (хотя мы против рассмотрения охоты как спорта или отдыха). Вполне уместно ставить вопрос о пропаганде антиохотниками идей дискриминации охотников по признаку рода занятий, что антиконституционно и наказуемо, как пропаганда идей, направленных на ущемление прав социальной группы. Следует лишь окончательно обосновать, что охотники – это именно социальная группа, а

это составляет пока определённую теоретическую сложность и требует серьёзных культурологических исследований с применением социологических методов для обоснования выводов о наличии устойчивого слоя граждан России, имеющих законом предусмотренные права, которые должны быть охраняемы от антизаконных высказываний, направленных на возбуждение ненависти или неприязни к охотникам.

Ещё относительно недавно, антиохотничьи высказывания не были столь популярны, а ещё чуть ранее, что можно предполагать с большой долей вероятности, - были смешны и неприемлемы для основной массы людей. Степень приемлемости антиохотничьих идей для общественного и политического обсуждения постепенно (но интенсивно) увеличивается согласно концепции Дж. Овертона («окно Овертона», «окно дискурса», «окно возможностей») по направлению: немисливо – радикально – приемлемо – разумно – стандартно - действующая норма. (Следует отметить, что приводимые нами понятия в житейском и научном обиходе в основном воспринимаются как синонимы, но иногда их различают [2, 3 и др.]). Под окном Овертона обычно понимают технологию манипуляции массовым сознанием и приучения людей к неприемлемому, технологию внедрения в сознание человека того, что кажется, в принципе невозможно внедрить (однополые браки, людоедство, скотоложество и т.п.). Окно возможностей при применении ряда политических и информационных технологий, можно поэтапно сдвигать по указанному выше направлению: от немислимого к нормативно закреплённому. Это окно имеет свои границы, в пределы которых «помещена» мысль или идея, которую продвигают по обозначенному выше «маршруту». Окно можно двигать и в противоположную сторону (вероятно, это сложнее). Считается, что скорость и возможность перемещения окна дискурса от немислимого (находящегося в области всеобщей неприязни, табу или сакральности) к действующей норме положительно коррелирует со степенью толерантности общества. Кроме того, «политическая технология, получившая название «Окна Овертона», эффективно применяется в современном мире для достижения именно политических целей» [3].

Подтверждения тому, что антиохотники (осознано или нет) сдвигают окно возможностей по «генеральной линии», то есть от неприемлемости нападков на охотников к законодательному закреплению антиохотничьих идей, на наш взгляд «как на ладони»: начиная от всевозможных «зелёных уток», до антиохотничьей лженауки [7, 8, 9 и др.]. Учитывая то, что различные российские политические деятели и медиа-персоны откровенно не стыдятся афишировать свои антиохотничьи рвения, а в стенах Кремля

принимают столь «важных» иноземных радикальных зоозащитников как Памела Андерсон (что, пожалуй, совершенно было бы невозможно во времена царствования Алексея Михайловича Тишайшего, да и, наверное, вплоть до конца XX века) можно, на основании этих индикаторов, полагать, что на сегодняшний день в России в рассматриваемом нами аспекте окно дискурса переместилось из областей «немыслимо» и «радикально», перешло через область «приемлемо» и находится либо в области «разумно», либо в области «стандартно», приближаясь к области «действующих норм»! Здесь мы, конечно же, имеем в виду, прежде всего СМИ, политическую и бизнес-элиту.

«Возможно ли в принципе противодействие этой политтехнологии? Да, конечно, возможно. Причем с любого шага. Повернуть вспять» [3]. Одним из ряда возможных механизмов остановки и «поворота вспять» (по направлению к неприемлемости антиохотничьих идей) этого «окошка с тёмно-зелёными шторками» мы считаем создание прецедентов применения мер правовой ответственности за антиохотничьи высказывания, направленные на дискриминацию охотников по признаку рода занятий.

Список литературы

1. Аше Ф. Есть животных? [Электронный ресурс] / Ф. Аше / Национальный охотничий журнал – Охота.– 2014 – №7-8. – URL: http://www.journalhunt.com/img/file/oxota_75_ok_1.pdf (дата обращения 10.05.2016).
2. Гуливатенко А. П. «Окно Овертона» в социально-философской практике / А. П. Гуливатенко // фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2015. – С. 8.
3. Дзугаев К. Г. К вопросу об определении понятия «окна возможностей» / К. Г. Дзугаев // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки, 2015, № 2. С. 27-31
4. Запретить деятельность, связанную с травлей, натаской или нагонкой собак охотничьих пород на диких животных, ввести уголовную ответственность для организаторов и участников [Электронный ресурс] / Официальный сайт Российской общественной инициатива - URL: <https://www.roi.ru/25691/> (дата обращения 12.08.2016).
5. Лопан Н. А. Пришло время продемонстрировать единство [Электронный ресурс] / Н. А. Лопан / – URL: <http://ihunter.pro/posts/ohotnichya-etika/335> (дата обращения 10.05.2016).
6. Люткин А. Нет запрету! / А. Люткин // Рос. охот. газ. 2016. № 31-32. С. 12.
7. Матвейчук С. П. Антиохотничья лженаука: Даурский пример / С. П. Матвейчук // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: материалы третьей международной научно-практической конференции. Иркутск. – 2015. – С. 52-57.
8. Матвейчук С. П. Антиохотничья лженаука: Красноярский пример / С. П. Матвейчук // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: материалы третьей международной научно-практической конференции. Иркутск. – 2015. – С. 58-63.
9. Матвейчук С. П. Интерпретация и использование биологических данных: белый гусь между «чёрным лебедем» и «зелёной уткой» / С. П. Матвейчук // Биосфера. – 2016. – Т. 8. – №. 2. – С. 186-201.
10. Пушкин А.В. Усовершенствование школьного образования как один из способов борьбы с распространением в обществе антиохотничьих настроений / А.В. Пушкин //

Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: сб. материалов II междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 28-31 окт. 2014. - Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2014. - С. 93-97

11. Пушкин А. Не заведут ли нас зелёные в жёлтый дом? [Электронный ресурс] / А. Пушкин / 08.07.2016. Режим доступа: <http://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2016/07/08/646244-ne-zavedut-li-nas-zelenyie-vzhelytyi-dom.html#start=13> (дата обращения 12.08.2016).

Секция «Экономические и правовые проблемы охоты и охотничьего хозяйства»

УДК 349.6 : 343.771 : 639.1.05

ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ РОССИИ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ ОХОТОЙ (БРАКОНЬЕРСТВОМ)

Б.А.Молчанов

Московский православный институт святого Иоанна Богослова, Москва, Россия

В статье дан анализ действия двух различных, находившихся в конфликте систем права

- государственного и обычного (местного права). Подробно и обстоятельно рассмотрены и проанализированы вопросы обычно-правового регулирования охоты и борьбы с браконьерством, а также виды наказаний за нарушение установленных правил.

Ключевые слова: незаконная охота, браконьерство, обычаи, виды наказаний за незаконную охоту, сохранение животного мира.

RULES OF CUSTOMARY LAW AND PRACTICE OF THE PEOPLES OF THE NORTH AND SIBERIA OF RUSSIA IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL HUNTING (POACHING)

B. A. Molchanov

Moscow Orthodox Institute of St. John the Evangelist, Moscow, Russia

The article contains an analysis of two different, were in conflict of legal systems – state and customary (local law). Detail reviewed and analyzed the questions of a customary regulation of hunting and fight against poaching and the penalties for violation of the rules.

Key words: illegal hunting, poaching, customs, punishments for illegal hunting, the preservation of the animal world.

Юридические обычаи Малых народов Севера – обычаи доклассового общества, получив санкцию государственной правовой системы, как бы трансформировались в нормы обычного права. Такая трансформация явилась следствием включения полупервобытных, в сущности, народов в классовое общество. Оказавшись в сложной правовой ситуации, это не могло не отразиться на их юридическом быте [8, с. 105].

Эти народы стали объектом действия двух различных, находившихся в конфликте систем права – государственного и своего местного права. В подобных случаях падал престиж и постепенно, но неуклонно сокращалась область применения последнего. Его отдельные нормы подвергались деформации и модернизации. Сами они обновлялись за счёт рецепции правовых норм, необходимых для регулирования новых отношений, возникавших в результате внешних контактов. В конечном счёте, это право, хотя оно и распространялось на большинство туземного населения, оказалось сведённым до уровня частного, исключительного права [24, с. 65].

Сохранение традиционной юстиции не уберегало народы Севера от произвола и насилия чиновников, в том числе и судебных, ущемления прав и интересов со стороны скупщиков пушнины, рыбопромышленников, зажиточной части русского и коми населения. Иначе говоря, общинное право народов Севера, регулируя внутренние отношения, было бессильно защитить их от посягательств извне. Покровительство правительства мало что значило на месте - в дебрях тайги и на безбрежных просторах тундры. Применение двух правовых систем требовало разграничения сфер их действия. Первоначально такого разграничения не существовало, только в 20-х гг. XVIII в. были предприняты попытки расчленить сферы действия закона и обычая. Однако разграничение не имело чёткости, проводилось непоследовательно и постоянно нарушалось чиновниками, вмешивавшимися в юридические конфликты народов Севера.

Доправовую юридическую культуру народов Севера отличает архаичность форм, меньшая степень развитости по сравнению с обычно-правовым институтом древних народов, отразившим отношения уже классово-дифференцированного общества. В ней фиксируется отсутствие частной собственности на землю, промысловые и пастбищные угодья, некоторые средства производства, отмечается социальное равенство людей. В то же время это культура дифференцированного по-своему общества. Она различна, хотя и не в резкой форме: общественное положение людей (князец, старшина, рядовой общинник) наделяло разными правами разные возрастные группы, старожилы и новосёлы, учитывались системы родства, определявшие порядок наследования [15].

Обычное право различных народов – это в значительной степени право отдельных групп и общин, индивидуум получал признание только через принадлежность к определённым коллективам. Солидарность общества ставилась в нём выше индивидуальных интересов его членов, за которыми не признавалось, собственно говоря, никаких прав. Функция обычного права состояла отнюдь не в охране и признании прав субъекта, а в обеспечении

сплочения группы, в поддержании согласия и взаимопонимания в отношениях между её членами.

Отсюда примирительная направленность общинного права; в основе его лежала идея примирения и арбитража, а не идея права как таковая, в нем большее место занимали нормы простой справедливости. Общинное право народов Севера претерпевало известные изменения, глубина которых, как правило, зависела от продолжительности и интенсивности контактов с русским населением [23, с. 67].

Другое изменение заключалось в постепенной консолидации разрозненных, нечетких юридических обычаев народов Севера в более или менее определенные нормы, свойственные общинному праву народов, ушедших далее в своем развитии. Однако разложение традиционных институтов, ослаблявшее нравственные нормы, породило преступления против собственности и личности. По архивным данным, у кочевников-оленоводов преобладали уголовные дела, большую часть которых составляли кражи оленей, у охотничье-рыболовецкого населения – гражданские дела.

Сказанное выше будет далеко не полным, если не обратиться к обычно-правовым нормам, регулировавшим отдельные сферы человеческой деятельности («отрасли» обычного права). Самоеды охотились на зверя в тундре, в лесах и на море. Выгодными промыслами морских зверей «они занимаются мало, так как Русские заняли все лучшие промысловые места как на Канинском и Тиманском берегах, около Югорского шара. Русские берут Самоедов в рабочие как отважных и искусных охотников, но, разумеется, тогда все выгоды промыслов переходят в руки русских» [12, с. 68].

В тундре Самоеды ловили песцов и лисиц. Но и здесь им мешали русские и зыряне, которые также промыслили в тундре зверя. Их неразумный подход к ведению охоты приводил к истреблению зверя. Так, русские вынимали из нор щенят лисиц, чтобы выкормить их дома. А это существенно сказывалось на уменьшении числа этого зверя в тундре. «Ещё сильнее истребляют песцов Зыряне: живя в тундре только до осени и не имея нужды щадить интересы Самоедов, они не выжидают того времени, когда песец побелеет и делается выгодным для охоты, а истребляют его в первом возрасте, пока он не имеет ещё большой ценности, к тому же истребляют, выкуривая его из нор, а из таких выкуренных нор песец тотчас удаляется и не возвращается в них более. Самоеды, чтобы получить хоть что-нибудь, подражают Зырянам, хотя хорошо понимают всю разорительность такого способа охоты, грозящего полным истреблением зверя в тундре».

Предметами завладения у корелов бывали чаще всего сенокосные участки, пахотная земля, репища (земля, на которой сеется репа),

рыболовные места в реках, сено и т.п. Завладение происходило, во-первых, «вследствие задолжания одного лица другому; во-вторых, при разделе земель и вообще таких предметов, которыми пользовалось всё общество». Здесь «очевидно, действует право сильного, то есть кулаков и мироедов». У лопарей имели место захваты различных угодий, как-то: «озерных, речных рыбных угодий, звериных. Эти захваты разбираются в том мире-погосте, в котором находится виновник захвата, по заявлению законного владельца» [10, с. 31, с. 115, с. 160].

Подводя итог сказанному о способах приобретения права собственности, кратко остановимся на экономической форме деятельности народов Севера. Важное место в экономике этих народов принадлежало охотничьему промыслу. Он давал не только пищу и материал для изготовления одежды, но и пушнину, служившую основой меновой торговли. Для некоторых из них этот промысел являлся главным источником существования. У народов Севера имелся тщательно разработанный институт охотничьего права, нормировавший все существенные его случаи, в том числе и право на охотничью территорию.

Наиболее древняя норма его не признавала не только частной собственности на землю и леса, а, следовательно, и на охотничьи угодья, но и прав исключительного владения ими. Она сохранялась вплоть до новейшего времени везде, где не изменялась заметным образом плотность народонаселения. В качестве основного принципа обладания той или иной территорией, как указывалось выше, выступал труд, затраченный на освоение земельного или водного участка. «Для получения права собственности на охотничьи угодья у коми было достаточно поставить охотничью избушку («вёркерка») в неосвоенной ещё никем местности и пометить затесами со знаком собственности («пас») путики. С этого момента весь участок леса, очерченный путиками, признавался собственностью промысловика. Он получал единоличное право добычи пушного зверя и дичи в своём угодье и ловли рыбы в водоёмах, находившихся на его территории.

Неофициальные права на охотничье угодье, полученные промысловиком после устройства путиков, становились неоспоримым законом для остальных охотников, воспрещавшим появление на этом участке с целью добычи кому-либо, кроме хозяина угодья и членов его семьи» [18, с. 167].

Охотничье угодье переходило по наследству, как правило, к младшему сыну, оставшемуся обычно в родительском доме после женитьбы. Он становился владельцем отцовского «паса». Другие сыновья по достижении совершеннолетия и женитьбы приобретали (осваивали) не занятую никем

охотничью территорию. Такой же порядок наследования охотничьего угодья был у коми-пермяков [32, с. 222], у хантов [21, с. 188-189], у марийцев и вепсов, в основном таким же образом регулировался обычным правом в Поволжье и на Европейском Севере России [4, с. 14-15]. Однако это совсем не означало отсутствия всяких правил пользования охотничьими угодьями. Охота разрешалась всем и везде при условии, чтобы никто не мешал другому, не мог претендовать на занятые кем-либо угодья.

Вместе с тем у жителей каждого селения имелась своя охотничья территория, имелись свои охотничьи угодья (урманы), право пользования, которыми принадлежало только им как первым освоителям этих угодий. Со временем на этой территории стали выделяться места, право охоты на которые принадлежало отдельным семьям, поставившим там свои ловушки. Это ещё не делёж угодий на участки, речь идёт именно о местах, где поставлены те или иные ловушки. Право охоты на определённое место (и время) оставалось в руках определённого человека, что означало отход от традиции, но это право, являвшееся не правом собственности и владения, а лишь правом пользования, не было ещё и безусловным. Оно признавалось и за другими, но с известным ограничением – лишь с согласия первопользователя.

К примеру, в Гавриловской волости, Сольвычегодского уезда, Вологодской губернии лесные угодья для охоты были поделены между деревнями. Охотой на дичь и пушного зверя занималось все население. Порядок охоты был таков: с первого сентября уходили на охоту в лес, завозя каждый в свою избушку хлеб или муку. Охота для всех начиналась с 9 сентября, чтобы не ущемлять права своих сородичей (чтобы никто никого не облавливал). Каждый охотник имел три круга (тропинки), в которых расставлял силышки и другие орудия (приспособления) для ловли дичи и животных. Причем охотился строго на своем участке, не нарушая прав других охотников [26, с. 16-17].

Рациональные правила по охране зверей содержались, прежде всего, в самих правилах промысла – в правилах, усиливающих порядок и технику промысла. Основу при этом составляли правила пользования охотничье-промысловыми угодьями, что чётко видно и по правилам промысла бобров. Так, например, в якутских наслегах и улусах дореволюционного периода вопрос об охотничьих угодьях с целью распределения их между жителями специально не рассматривался, что, однако, не означало отсутствия права исключительного пользования теми или иными угодьями у отдельных лиц. Каждое охотничье-промысловое место связывалось с именем отдельного человека, говорилось даже о принадлежности ему места промысла.

Конфликт между жиганскими якутами и кочевыми жителями «бродячих» родов имел давнюю историю. Еще в 1831 г. жители Жиганского улуса жаловались, что старшина Шологонского рода Вилюйского округа «в немалом числе душ родовичей своих в семи юртах» прикочевал к местам Жиганского улуса и причинил следующее, как сказано в жалобе, «разорение»: на великом пространстве «выжжено огнем оленных кормовищ, засек для поставучных лугов на дикого оленя и пастей для пушного зверя, построенных в немалом количестве, сверх того преждевременно опромышлены все означенные места в облиявшейся птице, доставлявшей местным обывателям запас для зимнего продовольствия и разорением гнезда волков и лисиц, из коих выкапывая детей их, убивали и самих матерей, несмотря, что все сие в то время не могло приносить им ни малейшей пользы» [34].

Иная обстановка складывалась в более позднее время в тех местностях, где аборигенов Севера потеснила русская колонизация. Там охотничьи угодья, освоенные жителями того или иного населённого пункта, считались только их владениями. «Никто другой не имел права вести в них промысел. Эти угодья во многих случаях подразделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Нарушивший его считался вором и в первый раз отдавал, где половину, где всю добычу владельцу участка. При повторном нарушении виновного вдобавок секли розгами» [23, с. 81].

При охоте в звероловных угодьях, являвшихся общественной собственностью, преимущественное право на производство охоты принадлежало артели или отдельному промысловнику, которые первыми в охотничьем сезоне начали охоту в этом угодье. Если в промысловом угодье встречались две охотничьи артели, то преимущественное право оставалось за той из них, которая раньше сооружала шалаш для ночлега, или если он находился ближе к месту предстоящей охоты [35, с. 460]. Такое же право существовало у русских охотников в Сибири [25, с. 46]. В целях недопущения таких «накладок» охотничьи артели до начала охотничьего сезона обговаривали сроки и маршруты таким образом, чтобы соблюдались интересы всех охотничьих артелей или одиночных охотников-промысловиков.

При производстве охотничьего промысла в одном лесном массиве не разрешалось пересекать чужую лыжню, так как «коми охотники обычно охотились в круге из сделанной ими лыжни, сворачивая за добычей внутрь. Пересечь чужую лыжню во время охоты было равноценно вторжению на чужую охотничью территорию» [27, с. 104]. По обычному праву карел, которые наибольшую часть дичи добывали на «путиках», эта охотничья

территория считалась наследственной собственностью, а установка силков на чужом «путике» также приравнивалась к посягательству на чужую собственность [17, с. 30].

Рыболовецкое право сродни охотничьему. Оно включало в себя нормы, регулировавшие владение рыболовными угодьями и снастями, распределение добычи, а также меры наказания за нарушение общепринятых правил. Объём этого права меньше охотничьего, хотя рыболовство занимало ведущее место в обеспечении многих малых народов Севера пищей.

Рыболовные угодья делились на мелкие и крупные. В первом случае они разделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Нарушивший его считался вором и в первый раз отдавал половину или всю добычу владельцу участка. При повторном нарушении виновного вдобавок секли розгами. Однако любой путник мог добывать в чужих землях зверя, рыбу или птицу для собственного пропитания. Жители одного селения по договорённости с жителями другого в случае необходимости могли пользоваться их угодьями.

Мелкие рыболовные угодья располагались на небольших речках и озёрах, где водилась малоценная рыба. Лов рыбы на таких водоёмах был свободным, всякий мог добывать её там, где хотел. Однако, как правило, у каждой семьи имелись свои постоянные, привычные места. Обычно действовало правило: «Где остановился, там и добывай». Если же кто-то расчищал рыболовное место или ставил постоянно ловушки на одном и том же месте (запор, котец), то получал право на владение ими, которое могло передаваться по наследству [14, с. 178].

Крупные рыболовные угодья больших рек принадлежали находившимся вблизи селениям, иначе говоря, находились в общинном владении. Ввиду того, что население было малочисленным, а селения располагались далеко друг от друга, споров из-за владения песками не наблюдалось, хотя и существовал запрет на пользование ими для лиц, не входивших в данную общину. Пески в одних случаях использовались коллективно, сообща всей общиной-юртой, в других – семьями. В последнем случае либо невод забрасывался поочерёдно, либо пески делились на участки – тони.

У коми-рыбаков право личной собственности на водные угодья рек было крайне редко. Имелись лишь отдельные факты обладания небольшими старичными озёрами. Как отмечает Н.Д. Конаков, «в качестве правового принципа здесь выступает труд, затраченный на расчистку озера, установление рыболовных заграждений с рыболовушками, предохранение рыбы от замора» [20, с. 171].

На реке Визинге «во временное индивидуальное пользование поступали участки реки вблизи семейных сенокосных угодий, если там сооружались «пуштшуп» – рыболовные запруды для лова рыбы «мордой» [1, с. 273]. Обычай устанавливал порядок, при котором рыба, дичь или зверь, попавшие в ловушки или оставленные при промысле в угодьях общего пользования с клеймом («пасом») промысловика, считались неприкосновенными для других охотников и прохожих. Уличенный в хищении из чужих ловушек, амбаров наказывался битьём или изгонялся на несколько лет из угодий, в которых мог раньше заниматься промысловой деятельностью.

Здесь просматривается не только право коллективного пользования промысловой территорией, но и уважение к результатам труда других лиц, своего рода социальная защищённость. Считалось большим правонарушением убить белку, на которую лает в лесу собака другого охотника; убить зверя, раненного другим охотником [22, с. 152]. Если зверь был подстрелен охотниками одной артели, но добыт другой, то возвращался, бесспорно, первой артели независимо от того, насколько лёгкой была первая рана [14, с. 173-174].

Вместе с тем у каждого народа Севера и Сибири были выработаны свои права охотников на добычу. Имелся тщательно разработанный институт охотничьего права. Так, у сибирских народов от реки Оби до Охотского побережья действовал обычай, согласно которому раненый зверь доставался тому, кто его ранил, и легко раненный – тому, кто его добывал. Этот же обычай действовал и у морских зверобоев: морж доставался тому, кто его тяжело ранил, если же он ускользал, то тому, кто его добывал, если же стреляло несколько человек, то зверь доставался тому, кто нанёс смертельный удар [3, с. 96].

Охотничьему населению Якутии было известно также, какая жестокая борьба за существование происходила в природе. Отсюда правило: подранил животное – должен добыть, ибо подраненное животное идёт на верную гибель, пропадёт без пользы и для людей, и для природы. К тому же, если это животное хищник, то это опасно и для людей. Поэтому одним из фауносберегающих обычаев охотников Якутии являлось стремление промышлять «без брака», применять оружие только в случаях верной добычи. В переводе на язык современной экологии это было своеобразным стремлением к безотходному и малоотходному производству. У аборигенов Сибири на десять выстрелов из винтовки допускался один промах. По словам очевидцев, тунгусы из винтовок стреляют «неимоверно метко: пуля...никогда...не пропадет даром».

Малоотходное и безотходное производство – это неперенное требование народной экологии. Вырубит якут-крестьянин дерево – использует всё: кору аккуратно сдерёт - она пригодится в качестве покрытия чего-либо, аккуратно сложит сучья, ветви – они пойдут на топливо. Забьёт скот - ничего не выбросит: ни крови, ни потрохов, даже рога, копыта и хвост находят применение.

Отсюда и стремление к усовершенствованию самоловных орудий промысла – к повышению «их уловистости». В частности, применение так называемого хандаа – коромысла, которое поднимает попавшего в петлю зайца вверх, в воздух – объясняется не только тем, что таким образом добыча предохранялась от хищных зверей и птиц, но и тем, что в этом случае зверь, потеряв опору, не мог уйти из западни. В зоне тундры, усовершенствуя песцовую ловушку, охотники избрали её коробовую разновидность, которая в отличие от ломовой и завозной надёжно прикрывала добычу и тем самым предохраняла её от потравы.

Число самоловных орудий у народов Якутии достигало многих сотен тысяч. Так, по сведениям начала 1820-х гг. у русских жителей низовьев Колымы было более 7 500 песцовых пастей. По данным середины XIX в., жители Жиганского улуса имели 9 520 пастей. Переписью 1917 г. у охотников трех южных округов Якутской области было зарегистрировано 184 956 ловушек. В северных округах Якутии по переписи 1926 г. было 235 130 ловушек, из которых 212 942 принадлежали якутам [33, с. 22].

Устройство пастей (песцовых), которыми пользовались охотники Колымы, приводило в восторг Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина. Последний, отметив «глубокомысленность» изобретений, пришел к выводу, что «...те, которые думают, что народы-звероловы принадлежат к необразованному классу людей, кажется мне, очень ошибаются...» [6, с. 393]. Следует, однако, отметить, что при той организации промысла, которая существовала в дореволюционной Якутии, во время промысла пропадало огромное количество мехов по причине потравы попавших в ловушки зверей другими зверями. Особенно на севере, в песцовых местах, где частые эпизоотии, плохой улов рыбы, другие стихийные бедствия лишали охотничье население транспорта (оленьего и собачьего). Тем самым охотники часто лишались возможности регулярно осматривать ловушки.

По сведениям М. Константинова, бывало, когда из 70 попавших в пасти песцов вынималось только 11 целых. Он же приводит сообщения контор пушников, согласно которым в 1915 г. было уничтожено около 75% попавших в пасти песцов. Конечно, это – крайние случаи. По более выверенным сведениям переписи 1926 г., гибель от потравы достигала 20 -

30% [13, с. 19].

Ввиду таких огромных и наблюдавшихся не только в Якутии потерь при охоте самодельными орудиями охотоведы России конца XIX – начала XX вв. относили «разного рода автоматические приборы для ловли зверей и птиц, каковы: силки, петли, пасти, слопцы, капканы, черканы, ямы...» к губительным приёмам охоты [31, с. 18]. При этом одним из основных путей сокращения этих потерь считали усовершенствование охотничьих ружей: «Когда в руках у населения будет хорошее, вполне отвечающее своему назначению оружие, тогда возможно будет строго следить, чтобы не употреблялись всякие капканы, петли, силки и т.п. орудия истребления дичи» [18, с. 777].

Охотничье огнестрельное оружие, как более совершенное и более производительное, в руках сознательного охотника действительно становилось орудием бережного отношения к животным, о чём выше мы говорили на примере стремления охотников Якутии применять оружие только в случаях верной добычи. Кроме того, охотник с ружьём мог выбирать добычу, не трогая самку, молодняка, зверя с детёнышем и т.д.

У народов Севера существовал строжайший запрет брать из чужой ловушки зверя или рыбу. В случае нарушения его виновный подлежал суду как за кражу. У ямальских ненцев – в двух - или даже трёхкратном размере. Двойное возмещение ущерба за вынужденного из чужой ловушки песка или другого зверя полагалось и у мезенских ненцев [29, с. 182-183]. Тем самым обеспечивалось право охотника на добытых с помощью ловушек зверей, птиц и рыбу. Но в этом правиле имелись исключения. Так, если кто находил добытого таким образом зверя раньше хозяина, то мог в случае необходимости взять себе до половины его, известив затем об этом хозяина и возместив ущерб. Остальное он должен был прибрать так, чтобы оно не досталось хищным зверям.

По данным Н.Д. Конакова, «на Вычегде и Печоре существовала такая мера наказания, как распятие виновника: ему привязывали руки к концам палки, пропущенной через рукава сукмана, и в таком виде отпускали домой. Добраться до жилья с распростёртыми в стороны руками, с большим трудом пробираясь между деревьями, было сложной задачей, особенно зимой [19, с. 173; 11, с. 98]. Над злостными похитителями чужой добычи устраивалась расправа, называемая «саропуктом» (воцарение). Виновников в похищении чужой добычи сжигали живьём в собственных избушках или прищемляли связанного и раздетого догола вора-охотника за волосы в расщепе стоящего дерева и так оставляли [30].

У народов Севера прослеживался обычай обязывал охотника делиться

первой добычей с другими; нарушение его влекло за собой утрату охотничьего счастья и осуждалось общественным мнением. По мнению учёных, «ещё недав-но существовал обычай наделения частью добычи при возвращении с охоты и рыбного лова престарелых соседей, а также каждого, кто оказывал хоть какую-то помощь промысловику, встретив его при выходе на берег: помог при выгрузке лодки или донёс до дому часть добычи, снасть или другую вещь». При коллективной охоте на медведя право на долю в добыче имел каждый, случайно оказавшийся на месте охоты до того момента, как с медведя не была снята шкура, хотя он и не принимал участия в убийстве зверя [28, с. 348].

Такой же обычай существовал в с. Палевицы, когда после запора курьи при дележе добычи (рыбы) давался равный пай вместе с участниками лова любому человеку, случайно оказавшемуся на месте лова [2, с. 5]. При совместном лове рыбы всей деревней в ближних озёрах улов делили не по числу участников лова рыбы, а по числу всех жителей данной деревни [9, с. 63]. Такие обычаи характерны и для народов Сибири. Так, по эвенкийскому обычаю убитый охотником зверь вместе со шкурой передавался в распоряжение жителей стойбища [7, с. 20].

Аналогичный обычай существовал у тувинцев, тофаларов и некоторых других тюркоязычных народов, согласно которому любой встречный мог крикнуть охотнику на промысле или по пути домой «Ужа!» и получить часть добычи. Право на мясо, жир и шкуру кита имело не только всё население посёлка, но и жители других мест, если они оказывались поблизости. В дележе мяса и жира белого медведя, тюленя принимали участие все. Охотничья добыча делилась между всеми при голоде или недостатке продовольствия [3, с. 96].

Другой комплекс норм связан с нанесением ущерба во время охоты как умышленно, так и неумышленно. У ненцев Мезенского уезда, если кто-либо, вытаскивая щенят из чужих лисьих или песцовых нор, ломал норы и тем самым причинял убыток, обязан был возместить ущерб по взаимному согласию. Существовала норма, запрещающая индивидуальную охоту на общем промысловом месте. Если кто-нибудь прибывал на него раньше других, охотясь, распугивал зверей и лишал тем самым промысла остальных охотников, то добыча делилась на всех, потерпевших убытки.

В отличие от степных народов у народов Севера не применялись на охоте облавы и реже, за исключением морской охоты, встречались артели. Если же они создавались, то действовало правило добычу и убытки делить поровну. Если у мезенских ненцев один не отдавал другому при совместном промысле половину добычи, то должен был вернуть неправильно

удержанное. Если же кто при совместной охоте на море повреждал лодку или что-нибудь другое и тем самым останавливал промысел, то был обязан возместить убыток настолько, насколько другие охотники добудут [5, с. 202; 16, с. 110].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что обращение к законодательству и обычно-правовым традициям дореволюционной России в борьбе с незаконной охотой (браконьерством) является богатым наследием. Использование опыта прошлого, несомненно, должно способствовать всестороннему и качественному развитию современного законодательства по борьбе с незаконной охотой и сохранению животного мира для будущих поколений.

Список литературы

1. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт. ВГВ. 1859. № 31. С. 273.
2. Анисимов А.Ф. О социально-экономических отношениях в охотхозяйстве эвенков. Сов. Север. 1936. С. 5.
3. Архангельские губернские ведомости. 1849. N 13. С. 96.
4. Бикбулатов Н.В. Минорат: Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов //Этнография Башкирии. Уфа. 1976. С. 14-15.
5. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей М.:Л., 1965. С. 202;
6. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М. 1948. С. 393.
7. Гапанович И.И. Камчатка: население и хозяйство. Владивосток. 1926. С. 20.
8. Гартфельд А.А., Молчанов Б.А. Ответственность за незаконную охоту в истории России досоветского периода. Монография в 2-х томах. 24 п.л. М. 2016. Том I. С. 105.
9. Грумм Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и урянхайский край. Л., 1926, т.3, с.63.
10. Ефименко А.Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии //Записки РГО по отделению. Этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб. 1878. С. 31, 115, 160.
11. Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды. ИФС, 1960, вып.5. С. 98.
12. Журнал министерства народного просвещения. 1851. Май. Отд. 7. С. 68.
13. Захаренко Н. Пушное хозяйство Якутии. С. 19
14. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв). Томск. 1990.
15. Иванова Ж.Б., Молчанов Б.А. Охрана водных живых ресурсов: организационные, гражданско-правовые, уголовно-правовые проблемы. Сыктывкар. КРАГСУ. 2010. 27.2 п.л.
16. Иванова Ж.Б. Правовое регулирование промысла морских млекопитающих // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. Т. 8. №4. С. 110.
17. Карлов В.В. Эвенки в XVII-начале XX века. Хозяйство и социальная структура. М. 1982. С. 30.
18. Керцелли С. О типе ружья или более пригодного для северного промышленника //Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск. 1911. № 11. С. 777.
19. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX-начале XX в. М., 1983. С. 167.

20. Конаков Н.Д. Полевые записки автора 1978. С. 171.
21. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX-начале XX века. Томск. 1977. С. 188-189.
22. Михайлов М.И. Физические и нравственные свойства зырян. ВГВ. 1853. № 18. С. 152.
23. Михайлов Т.И. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии. ЖМВД. 1851. Кн. 4. Ч. 33-3. С. 81.
24. Молчанов Б.А. Закон и обычай в охране природы Северной России. Архангельск. 2001. С. 65.
25. Налимов В.П. К этнологии коми. КМ. 1924. № 3. С. 46.
26. Нифанин Я.И. Гавриловские бывальщины. С. Верхняя Тойма, Архангельской области. 2007. С. 16-17 //Под. ред. А.В. Русанова
27. Оленев Н.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой мурманской железной дороги. Гельсингфорс. 1917. С. 104.
28. Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М.:Л., 1945. С. 348.
29. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. Л. 1928. С. 182-183.
30. Сидоров А.С. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. НКФАН, ф.1, оп.13, д.14, л.5.
31. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб. 1898. С. 18.
32. Смирнов И.Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк //ИОАЭИ. 1891. Т. 9. Вып. 2. С. 222.
33. Терлекий П.Е. Пушной и охотничий промысел //Советский Север. 1931. № 7-8. С. 22.
34. ЦГА ЯАССР. Ф. 22, оп. 1, д. 136, л. 7, об.
35. Черкасов А.А. Записки охотника-натуралиста. М. 1962. С. 460.

УДК 349.6 : 343.771 : 639.1.05

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ О СОХРАНЕНИИ ЖИВОТНОГО МИРА И БОРЬБЕ С БРАКОНЬЕРСТВОМ

А.А. Гартфельд

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье подробно и обстоятельно проанализировано законодательство и обычно-правовые нормы о сохранении животного мира, включая водные биологические ресурсы и проблемы борьбы с незаконной охотой (браконьерством). Обобщен опыт правового регулирования сохранения животного мира в организации безотходных технологий при изъятии из природной среды особей животного мира.

Ключевые слова: охота, браконьерство, особи животного мира, безотходные технологии, наказания за незаконную охоту, законы и обычаи.

THE LAW OF PRE-SOVIET RUSSIA ON THE PRESERVATION OF THE ANIMAL WORLD AND THE FIGHT AGAINST POACHING

A.A. Hartfield

Russian University of friendship of peoples, Moscow, Russia

In the article in detail and thoroughly analyzed the legislation and rules of customary law on the preservation of fauna, including water biological resources and problems of combating illegal hunting (poaching).It summarizes the experience of legal regulation of wildlife

conservation in the organization of non-waste technologies at the withdrawal from the natural environment specimens of the animal world.

Key words: hunting, poaching, species of the animal world, basotho technologies, penalties for illegal hunting, laws and customs.

Человек начинает охранять животных и других природных ресурсов только тогда, когда их становится недостаточно для удовлетворения потребностей. Именно осознание возможности утраты каких-либо ресурсов ведет к развитию правовой защиты для их охраны и восстановления. Однако исторический опыт показывает, что регулирование эксплуатации природных ресурсов, включая животный мир, основанное только на законах, не решает всех проблем. История дает множество примеров разнонаправленной динамики природоохранных законов. За самовольную рубку леса следовали строжайшие запреты вплоть до смертной казни или высылку за незаконную охоту, а потом возвращались опять «на круги своя». Законы и иные нормативные акты в области охраны живой природы, ориентирование на упорядочение использования природных ресурсов, как правило, не исполнялись. Связано это было, в частности, с тем, что никогда люди не были равны при пользовании природными богатствами, а, следовательно, ни в одном обществе не было единой системы ценностей [5].

Рациональные правила по охране зверей содержались, прежде всего, в самих правилах промысла – в правилах, усиливающих порядок и технику промысла. Основу при этом составляли правила пользования охотничье-промысловыми угодьями, что четко видно при промысле бобров. Так, например, в якутских наслегах и улусах дореволюционного периода вопрос об охотничьих угодьях с целью распределения их между жителями специально не рассматривался, что, однако, не означало отсутствия права исключительного пользования теми или иными угодьями у отдельных лиц. Каждое охотничье-промысловое место связывалось с именем отдельного человека, говорилось даже о принадлежности ему места промысла.

Конфликт между жиганскими якутами и кочевыми жителями «бродячих» родов имел давнюю историю. Еще в 1831 г. жители Жиганского улуса жаловались, что старшина Шологонского рода Вилюйского округа «в немалом числе душ родовичей своих в семи юртах» прикочевал к местам Жиганского улуса и причинил следующее, как сказано в жалобе, «разорение»: на великом пространстве «выжжено огнем оленных кормовищ, засек для поставучных лугов на дикого оленя и пастей для пушного зверя, построенных в немалом количестве, сверх того преждевременно опромышленены все означенные места в облиявшейся птице, доставлявшей местным обывателям запас для зимнего продовольствия и разорением гнезда

волков и лисиц, из коих выкапывая детей их, убивали и самих матерей, несмотря, что все сие в то время не могло приносить им ни малейшей пользы» [24].

По словам одного старика-информатора, баи участками леса «владели с давних времён, никого не пускали в эти участки. Имели границы, которые обозначали зарубками на деревьях. Уважали эти границы, не нарушали. Владели раздельно. Никто не ходил в «быгу» Левина, Тереховых, Сметаниных [1, с. 61]. Интересно отметить, что было и особое слово, обозначающее лисицу, которая каждый год плодилась в одной норе – «ньяады». Таких лисиц хозяева участков знали и оберегали от чужих промыслов». О частном характере владения лисьими норами, писал Н.Захаренко: «Мы наблюдаем в Вилейском районе (охотничье-промысловом) ... пожизненное закрепление лисьих нор ... Нашедший нору становится её владельцем, передает по наследству и даже продает. Владелец норы следит за ней и ремонтирует её» [8, с. 18].

Таким образом, мы однозначно можем заявить, что частный характер владения охотничьими угодьями не вредил делу охраны животных. В Кытанахском наслеге Чурепчинского района есть алас “Боттиэмэлээх” с озером посередине. В дореволюционное время сенокосные угодья этого аласа находились во владении тойона В.Н. Собакина. Тойон, однако, не ограничивался сенокосными угодьями – в его исключительном пользовании находилось и озеро. Никто не смел права там охотиться, рыбачить и даже собирать в окрестностях утиные яйца. По воспоминаниям старожилов наслеге, в этом озере ежегодно гнездились турпаны [6, с. 28].

Так же поступали якуты и по отношению к окружающему животному миру. В этом плане особенно интересны обычаи якутов, касающиеся промысла речных бобров – редких в условиях Якутии второй половины XIX в. животных. «В тех местностях, где сохранились ещё речные бобры, - читаем у Н. Захаренко, – якуты очень заботятся о сохранении дорогих зверей, и правила, установленные для охоты за бобрами, указывают, что охотники относятся к ним почти как к домашним животным... Старых бобров убивают только в крайних случаях, когда надо заменить одну пару производителей другою...» Далее: « ...охота за чужими бобрами в глазах якутов считается одним из самых непростительных грехов, да и сам хозяин не имеет права начать охоту за приплодом раньше установленного срока».

Запрещено также поблизости от жилища бобров промышлять другого зверя с собакою или ставить на реке рыболовные снасти из опасения неумышленно повредить зверя... Обыкновенно в вылавливании каждой пары участвуют не только ее владельцы, но и хозяева остальных пар... Главной

вопрос при определении порядка охоты заключается в том, чьих бобров будут выбивать раньше. Как говорят, весьма важно пораньше оставить старую племенную пару на покое и дать ей собрать запасов на зиму...” [3].

«Неприкосновенность чужой промысловой территории, находящейся под защитой норм общинного права, строго соблюдалась всеми охотниками коми. Освоение территории, смежной с занятой угодьями, допускалось только с разрешения соседей. Нарушение права собственности на охотничью территорию влекло за собой разгром вновь устроенных «путиков», поджог сооружённой в пределах чужого угодья избушки и т.п. Подобные меры борьбы с нарушением права личной собственности, не имея под собой основы со стороны официальной юриспруденции, пользовались полным одобрением местного населения» [13, с. 170].

«Охотник, пойманный с поличным во время промысла в чужом угодье, подвергался наказанию и немедленному изгнанию с чужой территории. Иногда, правда, крайне редко, даже случались убийства на этой почве» [21]. В качестве наказания, в частности, на Верхней Вычегде было распространено изъятие всей добытой незаконным путём дичи и пушнины, а по окончании охотничьего сезона виновный приносил охотнику, границы угодья которого нарушил, «парту» водки, после чего следовало примирение.

Иная обстановка складывалась в более позднее время в тех местностях, где аборигенов Севера потеснила русская колонизация. Там охотничьи угодья, освоенные жителями того или иного населённого пункта, считались только их владениями. «Никто другой не имел права вести в них промысел. Эти угодья во многих случаях подразделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Нарушивший его считался вором и в первый раз отдавал, где половину, где всю добычу владельцу участка. При повторном нарушении виновного вдобавок секли розгами» [14, с. 81].

При охоте в звероловных угодьях, являвшихся общественной собственностью, преимущественное право на производство охоты принадлежало артели или отдельному промысловому, которые первыми в охотничьем сезоне начали охоту в этом угодье. Если в промысловом угодье встречались две охотничьи артели, то преимущественное право оставалось за той из них, которая раньше сооружала шалаш для ночлега, или если он находился ближе к месту предстоящей охоты [28, с. 460]. Такое же право существовало у русских охотников в Сибири [15, с. 46]. В целях недопущения таких «накладок» охотничьи артели до начала охотничьего сезона обговаривали сроки и маршруты таким образом, чтобы соблюдались интересы всех охотничьих артелей или одиночных охотников-промысловиков.

При производстве охотничьего промысла в одном лесном массиве не разрешалось пересекать чужую лыжню, так как «коми охотники обычно охотились в круге из сделанной ими лыжни, сворачивая за добычей внутрь. Пересечь чужую лыжню во время охоты было равноценно вторжению на чужую охотничью территорию» [16, с. 104]. По обычному праву карел, которые наибольшую часть дичи добывали на «путиках», эта охотничья территория считалась наследственной собственностью, а установка силков на чужом «путике» также приравнивалась к посягательству на чужую собственность [10, с. 30; 17, с. 357].

Начатое Генеральное межевание дало толчок работам по учету и определению ареалов зверей и птиц, начались исследования распространения и среды обитания животных.

Несмотря на это, до конца XIX века в России не было закона об охоте. Первый проект такого закона был разработан Министерством внутренних дел в 1858 году. В дальнейшем, до начала разработки законопроекта, утвержденного 3 февраля 1892 года в качестве Закона об охоте, Государственный совет было внесено еще девять проектов закона об охоте: Проект правил об охоте в Остзейских губерниях (1861 г.); Проект правил о весенней охоте графа Валуева (1867 г.); Проект правил об охоте, исправленный по замечаниям Министерства (1868 г.); Проект закона о весенней охоте (1869 г.); Проект общего закона об охоте Министерства внутренних дел (1871 г.); Правила об охоте для губерний Привислянских; Проект барона Ливена и Управляющего Морским министерством Краббе (1872 г.); Проект временных правил об охоте (1874 г.); Правила об охоте для губернии Курляндской (1877 г.) [22, с. 11] 251. Несмотря на это, до конца XIX века в России не было закона об охоте. Первый проект такого закона был разработан Министерством внутренних дел в 1858 году. В дальнейшем в Государственный совет было внесено еще девять проектов закона об охоте: Проект правил об охоте в Остзейских губерниях (1861 г.); Проект правил о весенней охоте графа Валуева (1867 г.); Проект правил об охоте Министерства (1868 г.); Проект закона о весенней охоте (1869 г.); Проект общего закона об охоте Министерства внутренних дел (1871 г.); Правила об охоте для губерний Привислянских; Проект барона Ливена и Управляющего Морским министерством Краббе (1872 г.); Проект временных правил об охоте (1874 г.); Правила об охоте для губернии Курляндской (1877 г.) [22, с.11].

3 февраля 1892 года в России был принят Закон «Об охоте». Целью Закона являлось «прекращение того чрезвычайного истребления дичи, которое лишало охоту всякого производительного значения для народного

хозяйства». Запрещалась ловля дичи какими-то бы ни было истребительными способами. Были приняты Правила об охоте, которые распространялись на все виды охоты, не ограничиваясь поземельным цензами действовавшие вплоть до революции 1917 года. Право охоты облагалось трехрублевым налогом при выдаче полицией охотничьего свидетельства сроком на 1 год. Чинам лесного ведомства и лесной страже, лесничим, охотничьим сторожам частных владельцев, охотничьих обществ охотничьи свидетельства выдавались бесплатно.

Статьей 1 Правил разрешались все виды охоты (ружейная, псовая и т.д.), но не дозволялось охотиться без именного охотничьего свидетельства. Однако это правило не распространялось на губернии Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Пермскую, Вятскую и Костромскую. Закон предусматривал лишение крестьян права охотиться на своих землях без «особого приговора сельского общества ... Это связано с тем, что с выкупом или продажей участков переходило и право охоты на этих участках к отдельным дворохозяевам».

В новом законе не было полного запрещения производить охоту в весеннее время - единственно верного средства охранения дичи в период ее размножения. К тому же сроки начала и окончания сезонной охоты устанавливались общие для всего пространства России. Обязанность наблюдения за исполнением правил о производстве охоты была возложена на полицию, чинов лесного ведомства, лесную стражу, лесных, полевых и охотничьих сторожей в дачах, вверенных их надзору, заведующих частными лесами, – в пределах вверенных их ведению или надзору участков. За нарушение правил охоты отбирались убитая дичь и орудия лова, ружья. Лесной страже запрещалось держать гончих и борзых собак. Сбор за охотничьи свидетельства и штрафы за нарушение правил (кроме штрафа за убой зубра) относились в специальные средства министерства внутренних дел для образования капитала, направляемого на исполнение упомянутых правил [22, с.11].

Лесной страже запрещалось держать гончих и борзых собак. Сбор за охотничьи свидетельства и штрафы за нарушение правил (кроме штрафа за убой зубра) относились в специальные средства министерства внутренних дел для образования капитала, направляемого на исполнение упомянутых правил. Закон предусматривал лишение отдельных крестьян права охотиться на своих землях без «особого приговора сельского общества, в состав коего эти земли входят... Это связано с тем, что с выкупом или продажей участков переходит и право охоты на этих участках к отдельным дворохозяевам и даже к лицам, посторонним обществу».

Как справедливо отмечал профессор Г.Кожевников: «Нельзя не признать, что составители закона об охоте 1892 года были большие идеалисты: действительно, излагая вопрос о дозволенных и недозволенных сроках стрельбы, они ввели различные сроки для самцов и самок некоторых птиц, полагая, что охотники, забравшись в лес или болото в то время, когда дозволяется бить только самцов вальдшнепов, уток, тетеревов и глухарей, не воспользуется этим не только для того, чтобы бить при случае и самок, но и для того, чтобы под предлогом «законной» охоты бить всякую дичь» [12, с. 171].

Обязанность наблюдения за исполнением правил о производстве охоты была возложена на полицию, чинов лесного ведомства, лесную стражу, лесных, полевых и охотничьих сторожей в дачах, вверенных их надзору, заведующих частными лесами, – в пределах вверенных их ведению или надзору участков. Егерям на основании Правил предписывалось выдавать бесплатные охотничьи свидетельства; по утверждению их в звании охотничьих сторожей они освобождались от телесного наказания и в отношении преследования нарушителей охотничьих законов, пользовались всеми правами, предоставленными страже казенных лесов [2]. При подготовке закона об охоте А.А. Силантьев первый из своих современников осознал необходимость изменения общей цели охотничьего законодательства и указал на то, что охотничий закон в первую очередь должен охранять животных, а уже потом - регламентировать на них охоту.

За нарушение правил охоты отбирались убитая дичь и орудия лова, ружья. Лесной страже запрещалось держать гончих и борзых собак. Интересно отметить, что сбор за охотничьи свидетельства, равно как и штрафы, за нарушение кроме штрафа за убой зубра относились в специальные средства министерства внутренних дел для образования капитала, направляемого на исполнение упомянутых правил.

Свидетельства об охоте не могли выдаваться состоявшим под надзором полиции; осужденным за нарушение настоящих правил, за повреждение или похищение чужого леса до исполнения состоявшихся над ними судебных приговоров. Министру государственного имущества предоставлялось право выдавать бесплатно особые разрешения: а) на стрельбу и ловлю во всякое время зверей (кроме зубров) и птиц, а также на собирание гнезд и яиц для научных целей; б) на поимку разных пород дичи для акклиматизации ее в других местностях или для зверинцев (ст. 10).

На основании ст. 18 воспрещалось в течение всего года ловить какими бы то ни было способами (нетями, силками, тенетами, шатрами, капканами и т.п.) глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток, турачей, фазанов и диких коз,

а также разорять гнезда или вынимать из них яйца и птенцов всех пород птиц кроме хищных. Разрешалось истреблять хищных зверей и птиц, и гнезда, их птенцов, а также убивать на полях и в лесах бродячих кошек и собак в течение всего года всякими способами кроме отравы. К хищным зверям были отнесены медведь, волк, лисица, шакал, барсук, песец, хорек, ласка, выдра норка, горностай, куница, россомаха, рысь, дикая кошка и белка. Хищными птицами признавались орел, беркут, сокол, кречет, ястреба, сокола, ворон, ворона, галка, филин, сова, воробей.

Запрещалась охота на зубров, самок лосей, оленей и диких коз, молодь этих пород в течение всего года. Устанавливались сроки охоты. Крестьянам же Архангельской губернии, северо-восточной части Вологодской губернии, вогулам Пермской губернии, а также бывшим казенным поселянам Верхне-Турского округа той же губернии и уездов Глазовского, Орловского и Слободского Вятской губернии охота в пределах указанных местностей дозволялась на всякую дичь в течение всего года, но продажа дичи воспрещалась с 10 марта по 1 июля (ст. 24).

Действие Закона «Об охоте» и Правила об охоте от 3 февраля 1892 года не распространялось на Сибирь. В начале 1893 года в Министерство государственных имуществ поступил проект Правил об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве. В этих Правилах и в приложенной к ним Объяснительной записке, во-первых, предполагалось не распространять ограничения в сроках охоты на Верхоянский и Колымский округа Якутской области. Во-вторых, отмечаются хищнические способы промысла, например выкормочное звероловство (выслеживание нор лисиц, песцов и изъятие детенышей для выкармливания в домашних условиях) [27].

Отношение местных властей Якутии к выкормочному звероводству было противоречивым: не было закона, запрещавшего этот способ промысла, хотя хищнический характер его был очевиден. Зашиверский нижний земской суд еще в конце XVIII века объявил выкапывание щенков из нор преступлением со ссылкой на «монаршие установления» и грозил «строжайше наказывать на теле губителей копанием и разорением гнезд песцовых и всякого роду зверей» [23].

В 1833 году Колымское окружное управление получило очередное предписание областного правления воспретить «разорять гнездо пушного зверя. В очередной раз были собраны подписки с предписанием не заниматься таким промыслом. Но в 1834 году Колымская инородная управа представила окружному исправнику ходатайство собрания старост о разрешении данного промысла, так как беднейшие слои тем оплачивают казенные подати и общественные повинности». На просьбу был дан ответ.

В.И. Иохельсон еще в 1896 г. справедливо отмечал, что запреты подобной охоты нельзя достичь предписаниями, они будут действовать тогда, когда запрещение коснется торга этими шкурками.

В объяснительной записке к проекту Правил об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве говорилось и о другом хищническом способе, касающемся водяной и лесной дичи: «жители еще до выхода птенцов разоряют гнезда птиц, чтобы воспользоваться пухом их, а яйца употребляют в пищу» [26]. Осуждалось и «безрассудное истребление диких коз и изюбрей весной, когда они проваливаются на снежно-ледяной корке [25].

Правила об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве не были утверждены, и хищнические способы промысла зверей и птиц не были запрещены. Лишь 9 июня 1912 года был принят Закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», по которому охота на соболей запрещалась на три года. Попутно отметим, что Комиссия по выработке этого закона была создана еще в 1895 году [18].

Звериные промыслы в Сибири провозглашались не подлежащими «никакому ограничению в отношении ко времени года» (ст. 204). «Полицейское начальство должно наблюдать, чтобы станичные казаки под видом права на местные промыслы не стесняли коренных жителей присвоением себе участков, издавна им принадлежащих. В тех же местах, где коренные жители без всякого разделения участков пользуются равным правом промысла», казакам предоставлялось разделять это право с ними» [7].

Охотничьему населению Якутии (да и другим народам Севера России) было известно также, какая жестокая борьба за существование происходила в природе. Отсюда правило: подранил животное – должен добить, ибо подраненное животное идёт на верную гибель, пропадёт без пользы и для людей, и для природы. К тому же, если это животное хищник, то это опасно и для людей. Поэтому одним из фауносберегающих обычаев охотников Якутии являлось стремление промышлять «без брака», применять оружие только в случаях верной добычи. В переводе на язык современной экологии это было своеобразным стремлением к безотходному и малоотходному производству. Так, у аборигенных народов Сибири на десять выстрелов из винтовки допускался один промах. По словам очевидцев, тунгусы из винтовок стреляют «неимоверно метко: пуля...никогда...не пропадет даром».

Известны слова К. Маркса о том, что всякая экономия сводится в конечном итоге к экономии времени. Однако в случае с подраненным животным усилия охотников не сводятся ни к экономии средств, ни к экономии времени. Средства, и время будут расходоваться до тех пор, пока

охотник не добьёт животное, даже при наличии многодневных усилий, десятков выстрелов.

Малоотходное и безотходное производство – это неперенное требование народной экологии. Вырубит якут-крестьянин дерево – использует всё: кору аккуратно сдерёт - она пригодится в качестве покрытия чего-либо, аккуратно сложит сучья, ветви – они пойдут на топливо. Забьёт скот - ничего не выбросит: ни крови, ни потрохов, даже рога, копыта и хвост находят применение.

Отсюда и стремление к усовершенствованию самоловных орудий промысла – к повышению «их уловистости». В частности, применение так называемого хандаа – коромысла, которое поднимает попавшего в петлю зайца вверх, в воздух – объясняется не только тем, что таким образом добыча предохранялась от хищных зверей и птиц, но и тем, что в этом случае зверь, потеряв опору, не мог уйти из западни. В зоне тундры, усовершенствуя песцовую ловушку, охотники избрали её коробовую разновидность, которая в отличие от ломовой и завозной надёжно прикрывала добычу и тем самым предохраняла её от потравы.

Число самоловных орудий у народов Якутии достигало многих сотен тысяч. Так, по сведениям начала 1820-х гг. у русских жителей низовьев Колымы было более 7 500 песцовых пастей. По данным середины XIX в., жители Жиганского улуса имели 9 520 пастей. Переписью 1917 г. у охотников трех южных округов Якутской области было зарегистрировано 184 956 ловушек. В северных округах Якутии по переписи 1926 г. было 235 130 ловушек, из которых 212 942 принадлежали якутам [20, с. 22].

Устройство пастей (песцовых), которыми пользовались охотники Колымы, приводило в восторг Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина. Последний, отметив «глубокомысленность» изобретений, пришел к выводу, что «...те, которые думают, что народы-звероловы принадлежат к самому необразованному классу людей, кажется мне, очень ошибаются...» [4, с. 393]. Следует, однако, отметить, что при той организации промысла, которая существовала в дореволюционной Якутии, во время промысла пропадало огромное количество мехов по причине потравы попавших в ловушки зверей другими зверями. Особенно на севере, в песцовых местах, где частые эпизоотии, плохой улов рыбы, другие стихийные бедствия лишали охотничье население транспорта (оленьего и собачьего). Тем самым охотники часто лишались возможности регулярно осматривать ловушки.

По сведениям, собранным М. Константиновым, бывало, когда из 70 попавших в пасти песцов вынималось только 11 целых. Он же приводит сообщения пушников, согласно которым в 1915 г. было уничтожено около

75% попавших в пасти песцов. Конечно, это – крайние случаи. По более выверенным сведениям переписи 1926 г., гибель от отравы достигала 20 - 30% [8, с. 19].

Ввиду таких огромных и наблюдавшихся не только в Якутии потерь при охоте самодельными орудиями охотоведы России конца XIX – начала XX вв. относили «разного рода автоматические приборы для ловли зверей и птиц, каковы: силки, петли, пасти, слопцы, капканы, черканы, ямы...» к губительным приёмам охоты [19]. При этом одним из основных путей сокращения этих потерь считали усовершенствование охотничьих ружей: «Когда в руках у населения будет хорошее, вполне отвечающее своему назначению оружие, тогда возможно будет строго следить, чтобы не употреблялись всякие капканы, петли, силки и т.п. орудия истребления дичи» [11].

Охотничье огнестрельное оружие, как более совершенное и более производительное, в руках сознательного охотника действительно становилось орудием бережного отношения к животным [9, с. 110], о чём выше мы говорили на примере стремления охотников Якутии применять оружие только в случаях верной добычи. Кроме того, охотник с ружьём мог выбирать добычу, не трогая самку, молодняка, зверя с детёнышем и т.д.

Таким образом, проблема взаимодействия общества с природой существовала во все времена. В рассматриваемый период были приняты основополагающие законы, прямо или косвенно повлиявшие на положение дел в области охраны природы, в том числе животного мира. Были введены первые жесткие ограничения на охоту, как по видам дичи, так и месту охоты; совершенствовались орудия лова с точки зрения безотходных технологий; началось разведение и выпуск на свободу отдельных охотничьих животных, введены законы о запрете охоты на лося, об охране зубов, о сроках охоты.

Список литературы

1. Багдарын Оюлбэ (Иванов М.С.) Мэнэааттар (Вечные названия). Якутск. 1979.
2. Безобразов С. Егерь. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (режим доступа: <http://lib.babr.ru/index.php?book=335>), (дата обращения 31.05.07)
3. Восточное обозрение. 1883. 28 апреля (17).
4. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М. 1948.
5. Гартфельд А.А., Молчанов Б.А. Ответственность за незаконную охоту в истории России досоветского периода. Монография в 2-х томах. 24 п.л. Т. I. М. Science 2016.
6. Дьяконов А.Л. Традиции охраны охотничье-промысловых ресурсов Якутии //Научный отчет (эколого-историческое исследование). Якутск. 1999.
7. Закон «Об охоте» 3.02.1892. Изд. «Юрид. газета». СПб. Невский проспект, 50.
8. Захаренко Н. Пушное хозяйство Якутии//Пушное дело. М. 1929. № 11-12.
9. Иванова Ж.Б. Правовое регулирование промысла морских млекопитающих // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. Т. 8. №4. С. 110.

10. Карлов В.В. Эвенки в XVII-начале XX века. Хозяйство и социальная структура. М. 1982. С. 30;
11. Керцелли С. О типе ружья или более пригодного для северного промышленника //Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск. 1911. № 11.
12. Кожевников Г.В. Против весенней охоты. Охотничий вестник, 1907. № 11.
13. Конаков Н.Д Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX-начале XX в. М., 1983.
14. Михайлов Т.И. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии. ЖМВД.. 1851. Кн. 4. Ч. 33-3.
15. Налимов В.П. К этнологии коми. КМ. 1924. № 3.
16. Оленев Н.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой мурманской железной дороги. Гельсингфорс. 1917.
17. Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Сборник трудов Иркутского института. Иркутск. 1927.
18. Сибирь (Иркутск). 1911. 7 апреля (№ 81).
19. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб. 1898.
20. Терлецкий П.Е. Пушной и охотничий промысел //Советский Север. 1931. № 7-8.
21. Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10.
22. Туркин Н.В. Закон об охоте 3 февраля 1892 года. М. 1892.
23. ЦГА ЯАССР, ф. 49, оп. 1. Д. 18. Л. 4-5 об.
24. ЦГА ЯАССР. Ф. 22, оп. 1, д. 136, л. 7, об.
25. ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 1, д. 19236.
26. ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 61, д. 19236.
27. ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 61, д. 19236. Л. 9 об.
28. Черкасов А.А. Записки охотника-натуралиста. М. 1962.

УДК 639.1.05

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБСУЖДЕНИЙ ПРОЕКТА ЛИМИТОВ И КВОТ ИЗЪЯТИЯ ОХОТНИЧЬИХ ЖИВОТНЫХ

С.Н. Кузнецова

Департамент природных ресурсов и охраны
окружающей среды Курганской области, Курган, Россия

В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие при проведении общественного обсуждения материалов, обосновывающих лимиты и квоты изъятия охотничьих животных в предстоящий охотничий сезон.

Ключевые слова: лимит и квоты изъятия охотничьих ресурсов, общественное обсуждение, государственная экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду

PROBLEMS OF PUBLIC DISCUSSION OF THE PROJECT LIMITS AND QUOTAS WITHDRAWAL OF THE HUNTING ANIMALS

S.N. Kuznetcova

Department of Natural Resources and environmental protection of Kurgan region,
Kurgan, Russia

This article includes problems which appear at holding public discussion materials of determining limits and quotas withdrawal of the hunting animals in the coming season.

Key words: limits and quotas withdrawal of the hunting resources, a public discussion, a state ecological expertise, assessment of the impact on the environment

Материалы, обосновывающие лимиты и квоты добычи охотничьих ресурсов в предстоящий охотничий сезон, являются объектом государственной экологической экспертизы (далее - ГЭЭ) [1, 2]. В составе указанных материалов, представляемых на ГЭЭ, обязательны результаты общественного обсуждения с гражданами и общественными организациями (объединениями), полученные в ходе проведения оценки воздействия намечаемой деятельности по изъятию охотничьих животных на окружающую среду (далее - ОВОС) [3]. Несмотря на употребление в правовых актах слов: «добыча охотничьих ресурсов», здесь и далее считаем более правильным использовать словосочетание «изъятие охотничьих животных», исходя из правил русского языка и устоявшейся охотхозяйственной терминологии.

Вовлечение общественности в процессы обсуждения объектов экологической экспертизы рассматривается как важнейшая составляющая процесса оценки воздействия и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на выявление и учет общественных предпочтений с целью предупреждения возможных неблагоприятных воздействий намечаемой деятельности на окружающую среду. Бесспорно, участие общественности в принятии решений, которые потенциально могут оказать воздействие на компоненты окружающей среды, является одной из форм реализации экологических прав человека [4].

Основным законодательным документом, регулирующим участие общественности в процессе ОВОС, является Положение об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации (далее — Положение об ОВОС) [5].

Участие общественности в подготовке и обсуждении материалов ОВОС обеспечивается заказчиком (органом исполнительной власти, уполномоченным на подготовку документа об утверждении «лимита добычи охотничьих ресурсов»), организуется органами местного самоуправления или соответствующими органами государственной власти при содействии заказчика. Информирование общественности осуществляется заказчиком на этапе уведомления, предварительной оценки и составления технического задания на проведение ОВОС. Все решения, полученные в ходе проведения общественных обсуждений на всех этапах ОВОС (тезисы выступлений, высказанные общественностью замечания и предложения, вопросы разногласий) оформляются заказчиком документально и входят в раздел «Оценка воздействия на окружающую среду намечаемой деятельности» в

«Материалах, обосновывающих квоты и лимиты охотничьих ресурсов в предстоящий охотничий сезон» (далее - Материалы).

Необходимо отметить, что на сегодняшний день вопросы общественного обсуждения Материалов урегулированы законодательством на недостаточном уровне, существующие противоречия приводят к неоднозначной и зачастую спорной правоприменительной практике.

Положение об ОВОС, содержащее основные требования в части информирования общественности, вступило в силу в 2000 году. С этого периода информационные технологии значительно изменились, в начале 2000-х годов информацию население получало в основном через газеты и телевидение. Интернет существовал, но его возможности не сопоставимы с сегодняшним днем. С момента издания Положения документ ни разу не редактировался, поэтому до сих пор обязательным требованием информирования заинтересованной общественности и других участников ОВОС является публикация информации о проведении общественных обсуждений в официальных изданиях органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, на территории которых намечается реализация объекта государственной экологической экспертизы, а также на территории которых намечаемая хозяйственная и иная деятельность может оказать воздействие [6]. Распространение соответствующей информации о проведении ОВОС через Интернет является дополнительным видом информирования участников процесса общественных обсуждений, таким образом, не носит обязательного характера.

Учитывая тот факт, что проект квот и лимитов изъятия охотничьих животных будет реализован в предстоящий охотничий сезон на территории всех муниципальных образований, информация должна быть опубликована в областной газете и во всех районных газетах с обязательным условием - в единый временной отрезок. Выполнить это условие достаточно сложно. В настоящее время уставами муниципальных образований определен конкретный перечень вопросов, по которым обязательно проведение публичных слушаний в соответствии с законодательством о градостроительстве и местном самоуправлении. Материалы, обосновывающие лимиты и квоты изъятия охотничьих животных, в указанный перечень не входят. Кроме того, например, на территории Курганской области издается 23 районных и 1 городское периодическое печатное издание. Данные газеты - это государственные периодические издания, соучредителем которых является региональный Комитет по печати и средствам массовой информации. Муниципальными периодическими

печатными изданиями являются только две газеты — Каргапольская районная газета и городская газета «Курган и курганцы». За исключением указанных муниципальных изданий любые публикации в остальных газетах предоставляются на платной основе. В сложных экономических условиях совершенно понятно нежелание администраций содействовать заказчику в организации публикаций в районных газетах. Усложняет ситуацию неоднократность подобных публикаций, они должны сопровождать все этапы процесса ОВОС.

Замена требования информирования общественности путем публикации информации в официальных печатных изданиях органов местного самоуправления на обязательное требование публикации указанной информации и размещение материалов ОВОС на официальных сайтах администраций районов позволила бы обеспечить информационную открытость материалов по намечаемой деятельности. Но на сегодняшний день публикация на официальных сайтах, как заказчика, так и органов местного самоуправления не может считаться равноценной публикации в газетах. Складывается впечатление, что Положение об ОВОС глубоко «увязло» в прошлом веке и совершенно не учитывает информационный прогресс настоящего времени.

Второй спорный момент возникает из правовой коллизии двух приказов одного ведомства - Минприроды России и касается сроков проведения общественного обсуждения. В соответствии с требованиями Положения об ОВОС, процедура проведения общественного обсуждения на каждом этапе (уведомления, предварительной оценки и составления технического задания на проведение ОВОС) не может быть меньше, чем 30 дней. За этот период поступившие от граждан и общественных организаций (объединений) замечания и предложения учитываются при составлении технического задания и разработке (доработке) материалов ОВОС и отражаются в материалах ОВОС.

В то же время согласно Порядку принятия документа об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов:

- сбор заявок от охотпользователей на установление квоты добычи охотничьих ресурсов, в отношении которых устанавливается лимит добычи, осуществляется до 15 апреля;

- материалы, обосновывающие лимиты и квоты добычи охотничьих ресурсов, направляются на государственную экологическую экспертизу до 1 мая [7].

Фактически срок между этапами подготовки материалов, обосновывающих лимиты и квоты добычи охотничьих ресурсов, и подачи их

на экологическую экспертизу составляет 15 дней. Таким образом, установленные сроки подготовки указанных материалов совершенно не позволяют вовремя и полностью завершить процедуру проведения их общественного обсуждения.

На основании статьи 14 Закона об экспертизе отсутствие материалов обсуждений объекта государственной экологической экспертизы с гражданами и общественными организациями (объединениями) в составе Материалов, представленных на государственную экологическую экспертизу, является основанием для признания их некомплектными и подлежащими возврату заявителю [8]. Поэтому заказчику приходится начинать общественные обсуждения задолго до составления самого проекта лимитов и квот изъятия охотничьих животных. В результате полностью теряется смысл проведения обсуждений в течение именно тридцатидневного срока.

Для исправления ситуации однозначно должно последовать изменение конечного срока представления заявок от охотпользователей на установление квоты изъятия охотничьих животных, в отношении которых устанавливается лимит добычи, иначе общественное обсуждение превращается в формальность, чего не должно быть в правовом государстве.

В Положении об ОВОС не решен еще один принципиальный вопрос, а именно как должен относиться заказчик к предложениям общественности по корректировке Материалов, а в рассматриваемом случае — по корректировке квот изъятия охотничьих животных в отдельных охотничьих угодьях.

Современной чертой общественного мнения является то, что оно находится в процессе становления и только приобретает черты социального института. Зачастую заказчик сталкивается с мнением населения, которое продиктовано стереотипными реакциями и эмоциями. Порой участники общественных обсуждений, отвергая проектные решения, не предлагают взамен убедительных доводов для разрешения сложившихся разногласий. В любом случае заказчик обязан учитывать любые предложения и замечания общественности по вопросам оценки воздействия намечаемой деятельности на окружающую среду. В отношении материалов, обосновывающих лимиты и квоты добычи охотничьих ресурсов, учитывать подобные замечания не представляется возможным, так как в соответствии с законодательством квоты изъятия охотничьих животных для каждого охотничьего угодья устанавливаются в строгом соответствии с нормативами допустимого изъятия на основании данных об их численности [9]. Таким образом, любые замечания и предложения по изменению, как квот, так и самих лимитов изъятия охотничьих животных должны быть отклонены заказчиком в связи с

их необоснованностью. В этих условиях теряется целесообразность проведения самих общественных обсуждений Материалов, что не может быть допустимым, так как животный мир является достоянием народов Российской Федерации, неотъемлемым элементом природной среды и биологического разнообразия Земли, возобновляющимся природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы, всемерно охраняемым и рационально используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации [10].

Список литературы

1. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире». «Собрание законодательства РФ», № 17, 24.04.1995 - ст. 20;
2. Федеральный закон от 23.11.1995 г. №174-ФЗ «Об экологической экспертизе». «Собрание законодательства РФ», № 48, 27.11.1995. Ст. 12.
3. Федеральный закон от 23.11.1995 г. №174-ФЗ «Об экологической экспертизе». «Собрание законодательства РФ», № 48, 27.11.1995. П. 1 ст. 14.
4. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Экологические права человека в системе международно-признанных прав человека // Государство и право. 2010. №3. С. 23-32.
5. Приказ Госкомэкологии России от 16.05.2000 г. № 372 «Об утверждении Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации. «Российская газета», N 170, 01.09.2000.
6. Приказ Госкомэкологии России от 16.05.2000 г. № 372 «Об утверждении Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации. «Российская газета», N 170, 01.09.2000. П. 4.3. Приложения.
7. Приказ Минприроды России от 29 июня 2010 года № 228 «Об утверждении порядка принятия документа об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов, внесения в него изменений и требований к его содержанию». «Российская газета», № 187, 23.08.2010. П. 9.1, 9.5 Приложения.
8. Федеральный закон от 23.11.1995 г. №174-ФЗ «Об экологической экспертизе». «Собрание законодательства РФ», № 48, 27.11.1995. Ст. 14.
9. Приказ Минприроды России от 29 июня 2010 года № 228 «Об утверждении порядка принятия документа об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов, внесения в него изменений и требований к его содержанию». «Российская газета», № 187, 23.08.2010.
10. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире». «Собрание законодательства РФ», № 17, 24.04.1995. Преамб.

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ОХОТЫ ГЛАЗАМИ ЧИНОВНИКА

В.В. Величенко

НИИ прикладной экологии Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

В статье обсуждаются некоторые положения Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года. Обосновывается вывод о необходимости учета региональных особенностей в вопросе определения целевых индикаторов развития охотничьего хозяйства.

Ключевые слова: Стратегия, целевые показатели, охотничье хозяйство, численность.

THE FUTURE OF HUNTING THE EYES OF OFFICIALS

V.V. Velichenko

Scientific research institute of applied ecology of the North of North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Yakutsk, Russia

This article discusses a few strategic developments of hunting in Russia and answers some questions about it.

Key words: strategy, targets, hunting, strength.

3 июля 2014 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1216-р была утверждена Стратегия развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года. Федеральным органам исполнительной власти, а также органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано руководствоваться положениями Стратегии при разработке государственных и региональных целевых программ и иных программных документов. Одним из принципов Стратегии является управление охотничьими ресурсами на основании данных их мониторинга.

Далее по тексту читаем: охотничьи животные являются важной частью природного капитала Российской Федерации и обеспечивают формирование экосистемных услуг потребительского и средообразующего характера. Фраза вызывает некоторое удивление, оправданием подобной формулировки может быть лишь веяние времени, когда в нашу жизнь проникает все больше «юридических» и «чиновничьих» терминов.

В Стратегии приводятся данные, которые могут смутить не только студента-первокурсника, начавшего изучать биологию диких зверей и птиц, но и опытного специалиста. Оказывается «...темпы прироста важнейших видов диких копытных животных не соответствуют их биологической продуктивности и составляют всего 1-3 процента в год...». После этого приводится вывод о том, что «фактическая численность многих важнейших

видов охотничьих животных может быть значительно выше существующей (экологическая емкость охотничьих угодий в Российской Федерации позволяет увеличить численность диких копытных животных в 6 раз, водоплавающей дичи - в 4 раза)».

О том, что численность большинства видов охотничье-промысловых зверей и птиц подвержена естественным колебаниям, охотоведам известно давно благодаря трудам выдающихся ученых-охотоведов. Вопросы размножения диких животных также изучаются на протяжении десятилетий; при этом большинство классиков не «настаивали» на необходимости повсеместного наращивания численности. К этому следует добавить, что история мирового охотоведения богата примерами, когда вслед за резким рукотворным (осознанным) и неконтролируемым увеличением численности некоторых видов на компактных территориях (в том числе, заповедных) происходило столь же резкое ее снижение, но уже по причине практически полного подрыва кормовой базы.

Можно согласиться, что путем эффективной охраны и строгого контроля добычи можно добиться роста численности некоторых видов копытных, но опять-таки, с обязательным учетом особенностей региона. В частности, изучение ведомственных материалов и беседы с охотпользователями Якутии, говорят о том, что биологическая производительность угодий здесь значительно ниже, чем в остальных регионах страны. Достаточно привести данные последнего ЗМУ, проведенного на территории Ленского района республики (Юго-западная Якутия) в 2016 году, согласно которым плотность населения лося здесь составляет не более 0,5 особей на 1000 га свойственных угодий. И это после многолетнего моратория на добычу лося в этом районе, а также последующего значительного ограничения срока охоты на лося.

К основным целевым показателям развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации (глава 3) относится, в том числе, увеличение численности важнейших видов охотничьих животных (лось, косули, кабан, дикий северный олень, благородный олень, снежный баран, туры, сибирский козерог, соболь, зайцы, лисица, утки, гуси, лысуха, глухарь, тетерев, рябчик, белая и тундряная куропатки, вальдшнеп) до уровня, соответствующего экологической емкости среды их обитания.

Казалось бы, что необычного в том, что Стратегия, как это принято в современных условиях, призывает значительно увеличить численность важнейших видов охотничьих животных. А необычно здесь то, в отношении каких видов охотничьих животных прописана возможность увеличения численности. Второй момент «необычности»: не учтены географические

особенности условий обитания популяций диких животных: одно дело, говорить о возможности повышения численности лося в Подмоскowie, и совсем другое – на необъятных просторах Восточной Сибири.

В результате, ответственные лица уполномоченных органов в недалеком будущем могут столкнуться с проблемой хронического «невыполнения» основных целевых показателей развития охотничьего хозяйства в своем регионе только потому, что численность перелетных птиц (гуси, утки, лысуха) им не удалось увеличить в 4 раза, как это предусмотрено обсуждаемой нами Стратегией. В некоторых регионах России действительно можно рассчитывать на увеличение численности водоплавающей дичи за счет биотехнии, то есть улучшения гнездопригодных свойств водно-болотных угодий, а также дичеразведения, но говорить возможности повсеместного наращивания численности перелетных птиц вряд ли возможно.

Специалистам известно, что регулированию (даже в сторону уменьшения, не говоря о возможности увеличения) абсолютно не поддается численность некоторых видов боровой дичи, к которым на Северо-востоке страны относятся белая и тундрьяная куропатки.

Сложно, особенно в Европейской части России, обеспечить рост численности и наземно гнездящихся видов боровой дичи. Одним из основных сдерживающих факторов является расширение ареала кабана, который является, как известно, всеядным животным, охотно поедающим и кладки птиц.

К подобным «упрямым» видам можно отнести и вальдшнепа, весенняя тяга которого во многом зависит от погодных условий. А поскольку учеты численности данного вида приурочены именно к этому периоду, возникают сложности объективного контроля за динамикой изменения численности вида.

Для Якутии звучит несколько непонятно желание авторов Стратегии увеличить численность лисицы, которая в условиях Северо-Востока России серьезно влияет на численность зайца-беляка. Как известно, что в некоторых районах Якутии заяц является практически основным кормом лисицы.

Остается надеяться, что Стратегия либо будет скорректирована с учетом мнения специалистов охотничьего хозяйства всех регионов страны, либо так и останется Стратегией «на бумаге», коих в последние годы выпущено великое множество.

Если отнестись к делу по государственному, то следует напомнить о том, что ст. 51 ФЗ «О животном мире» предусматривает бюджетное финансирование мероприятий по охране и воспроизводству объектов

животного мира. А это значит, что государство обязано не только содержать штат уполномоченных органов исполнительной власти в субъектах, но и в необходимых объемах финансировать воспроизводственные мероприятия: не столько для выполнения целевых индикаторов Стратегии, но главным образом – для проведения эффективных мероприятий, направленных на оптимизацию численности охотничьих животных.

Список литературы

1. Отчет по обработке данных зимнего маршрутного учета (ЗМУ) на территории Республики Саха (Якутия) в 2016 году. – Якутск: НП «Академия Северного Форума», 2016. – 47 с.
2. Стратегия развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июля 2014 г. № 1216-р, г. Москва.

УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРУПНОГО УЩЕРБА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Ю.П. Шубин

Санкт-Петербургская юридическая академия, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: shubin_yp@mail.ru

В статье с позиции норм действующего законодательства и судебной практики проанализированы некоторые проблемы определения крупного ущерба при квалификации незаконной охоты.

Ключевые слова: незаконная охота, нарушение правил охоты, крупный ущерб, уголовная ответственность, административная ответственность.

PROBLEM DEFINITIONS MAJOR DAMAGE WITH THE QUALIFICATION OF ILLEGAL HUNTING

Y.P. Shubin

Saint Petersburg Juridical Academy, Saint-Petersburg, Russia

This article from the perspective of the current legislation and judicial practice are analyzed some problems determining the major damage in the classification of illegal hunting.

Key words: illegal hunting, the violation of hunting regulations, major damage, criminal liability, administrative liability.

Ответственность за незаконную охоту, предусмотренная частью 1 статьи 258 УК РФ, наступает, если деяние совершено с причинением крупного ущерба; с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

При этом в соответствии с абзацем 1 пункта 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. №21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – Постановление Пленума ВС РФ 2012 г.) разграничение незаконной охоты (статья 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (часть 1 статьи 8.37 КоАП РФ) осуществляется именно по вышеуказанным признакам.

В настоящей статье хотелось бы тезисно остановиться на проблемах определения крупного ущерба при квалификации незаконной охоты.

Согласно пункту 9 Постановления Пленума ВС РФ 2012 г. ответственность за незаконную охоту, предусмотренную пунктом «а» части 1 статьи 258 УК РФ, наступает лишь при наличии крупного ущерба. Причиненный незаконной охотой ущерб относится к крупному исходя не только из количества и стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных, но и с учетом иных обстоятельств содеянного, в частности экологической ценности, значимости для конкретного места обитания, численности популяции этих животных. Крупным является ущерб, причиненный, например, отстрелом лося, благородного оленя (марала, изюбря), овцебыка, бурого и белогрудого (гималайского) медведя.

Толкование Пленумом Верховного суда РФ вышеуказанной нормы является нормативным толкованием, т.е. распространяющимся на все случаи применения толкуемой нормы права, что, по сути, позволяет использовать его в качестве источника права [5, с. 143].

Однако, вопреки имеющемуся толкованию, в судебной практике достаточно часто встречаются неординарные решения в определении понятия «крупный ущерб», что приводит к трудностям квалификации содеянного и разграничения административной и уголовной ответственности.

Кроме того, зачастую сам законодатель вносит значительную долю неразберихи в решение данного вопроса. Так, например, остается неясным критерий разграничения административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 2 статьи 7.11 КоАП РФ (т.е. добыча копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением), и преступления, предусмотренного пунктом «а» части 1 статьи 258 УК РФ (т.е. незаконная охота, если это деяние совершено с причинением крупного ущерба), о чем свидетельствует и правоприменительная практика [2, с. 56-57].

При этом, законодатель и не считает нужным указанные недостатки устранить, поскольку в части 2 статьи 17.43 Проекта Федерального закона N

957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», внесенного на рассмотрение в Государственную думу РФ в декабре 2015 г., содержится тот же лишенный ясности критерий разграничения [3, с. 53].

Таким образом, по сути, одни и те же деяния и вызванные ими последствия подпадают и под нормы, предусматривающие административную ответственность, и под нормы, предусматривающие уголовную ответственность, что создает возможность необоснованного применения административной ответственности вместо установленной уголовной ответственности

В юридической литературе отмечается, что единственным надежным критерием разграничения смежных составов, а вместе с ними – и видов ответственности, может быть критерий стоимостный, т.е. признаком преступления следует признать последствия в виде вреда окружающей среде, причиненного в значительном или крупном размере, причем, что он собой представляет должен определить сам законодатель и указать в примечании к статьям УК РФ.

Так, например, предлагается крупным ущербом при незаконной охоте считать ущерб, причиненный незаконным добыванием объектов животного мира, исчисленный по утвержденным Правительством РФ таксам, превышающий сто тысяч рублей [1, с. 123].

Конечно, изменение отношения к понятию крупного ущерба при незаконной охоте назрело, определение его четких границ позволило бы существенно облегчить решение вопроса при квалификации незаконной охоты по пункту «а» части 1 статьи 258 УК РФ [4, с. 94].

Следует признать, что такой подход в значительной степени будет способствовать решению вопроса о разграничении преступлений и правонарушений, однако определение стоимостного выражения крупного размера ущерба при незаконной охоте требует глубокого научного осмысления с точки зрения не только юридической науки, но и с точки зрения экологии и экономики. В настоящее же время при определении такого ущерба суды вынуждены учитывать конкретные обстоятельства дела, в том числе, факт уничтожения таких охотничьих ресурсов как копытные животные и медведи, и поэтому норма части 2 статьи 7.11 КоАП РФ является излишней и должна быть отменена, поскольку ничего, кроме потенциальной возможности ухода от уголовной ответственности за незаконную охоту она в себе не несет.

Список литературы

1. Каблов, А.М. Уголовная ответственность за незаконную охоту: проблемы теории и практики: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А.М. Каблов. - Пятигорск, 2012. – 182 с.
2. Шевчук, О.Л. Разграничение уголовной и административной ответственности за добычу копытных животных и медведей / О.Л. Шевчук // Законность. - 2015. - N 1. - С. 56 - 57.
3. Шубин, Ю.П. Административная ответственность за экологические правонарушения: предварительная оценка Проекта Кодекса РФ об административных правонарушениях / Ю.П. Шубин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. - N 3 (32). – С. 50 - 55.
4. Шубин, Ю.П. К вопросу о разграничении незаконной охоты и нарушении правил охоты / Ю.П. Шубин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. - N 1 (18). – С. 92 - 98.
5. Шубин, Ю.П. Судебный прецедент как источник экологического права / Ю.П. Шубин // Ленинградский юридический журнал. – 2014. - N 1 (35). – С. 133 - 143.

Секция «Продукция охоты и охотничьего хозяйства (правовые, экономические и организационные аспекты)»

УДК: 639.12:614.31

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ВЕТЕРИНАРНЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ

А. В. Пушкин^{1,3,4}, А. С. Кирилловых^{1,2}

НОУ «Институт природоресурсного и экологического права», Россия¹
ФГБОУ ВО Вятская ГСХА, Киров, Россия²

Общественная организация "Центр развития инноваций "НОВАТОР", Киров,
Россия³

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»⁴

В статье уделено внимание описанию некоторых проблем, обусловленных требованиями ветеринарного законодательства, с которыми сталкиваются или могут столкнуться охотники, желающие реализовать мясо-дичью продукцию охоты на продовольственном рынке, через магазины или рестораны. Выдвигаются некоторые предложения по гармонизации охотничьего и ветеринарного законодательства и об изменении некоторых положений последнего.

Ключевые слова: охота, пищевая продукция охоты, ветеринарно-санитарная экспертиза, ветеринарный осмотр.

ON SOME PROBLEMS OF MARKETING WILD ANIMAL FOOD PRODUCTS CONDITIONED BY VETERINARY REGULATIONS

A.V. Pushkin^{1,3,4}, A. S. Kirillovykh^{1,2}

The Institute of ecological and natural resources law, Russia¹,
Federal State Educational Institution of Higher Education Vyatka
State Agricultural Academy, Kirov, Russia²
Center for development of innovation INNOVATOR, public organization, Kirov,
Russia³
FSBEI HE «VyatSU»⁴

The article deals with some of the problems conditioned by veterinary regulations which hunters can face when they want to sell wild animal meat through shops and restaurants. There are some proposals to harmonize hunting and veterinary regulations and to change some provisions of the latter.

Key words: hunting, wild animal food products, veterinary sanitary expertise, veterinary inspection.

Отсутствие в современной России развитого в соответствии с имеющимся потенциалом рынка пищевой продукции охоты (охотничьего хозяйства) можно считать фактом, не требующим особых доказательств. Одной из причин этого, на наш взгляд, является содержание норм охотничьего и ветеринарного законодательства. Что касается охотничьего, по нашему мнению, – это как минимум, непроработанность целого ряда вопросов промысловой охоты, запрет на использование петель и любых самоловов при добывании пернатой дичи в рамках любительской и спортивной охоты, проблемы корректности самого термина «продукция охоты» [5] и другое.

В статье рассматриваются некоторые сложности, обусловленные требованиями ветеринарного законодательства и возникающие у охотников, желающих реализовать на рынке, через магазин, ресторан и прочее – пернатую дичь. Вопросы реализации мясо-дичной продукции от других охотничьих животных в данной статье не рассматриваются, хотя ветеринарные требования не сильно дифференцированы в рассматриваемых нами аспектах в отношении разных видов охотничьих животных.

Отметим, что Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24 июля 2009 г. № 209 - ФЗ содержит следующие бланкетные, отсылающие к ветеринарному законодательству нормы: часть четвёртую статьи 16, часть третью статьи 17, часть четвёртую статьи 18 и части первую и вторую статьи 43. Закон Российской Федерации от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» (ред. от 03.07.2016) (далее – закон

«О ветеринарии») не содержит отсылок к охотничьему законодательству норм.

Развитие рынка мясо-дичной продукции охоты и охотничьего хозяйства мы считаем одной из важных задач в свете положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (2010 г.), реализации задач Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» (в том числе и через увеличение самозанятости и самообеспечения сельского населения), развития рынка продуктов здорового питания и, как следствие, - развития, пропаганды и поддержания здорового образа жизни. Кроме того, развитие рынка охотничьей продукции может способствовать снижению недоосвоения (недопромысла) ряда охотничьих видов. Так, например, в целом ресурсы боровой дичи в Кировской области осваиваются очень слабо, на уровне 2-20% от рекомендуемых нормативов [3]. А, как известно, своевременная разрядка плотности способствует мобилизации воспроизводственного потенциала популяции [7].

Отметим и то, что важным резервом в решении задачи улучшения качества питания является включение в арсенал питания неиспользуемых или мало используемых естественных ресурсов. Несмотря на то, что основная масса пернатой дичи в закупку, продажу не поступает, она также входит в народно-хозяйственный бюджет – использование мяса дичи экономит потребление других продуктов питания частью населения [2, 8]. (Это как раз к вопросу о том «кем же является охотник, производителем продукции или потребителем услуг»? Мы считаем, что, прежде всего, охотник – это производитель продукции и не важно, реализуется ли им такая продукция или используется для личного потребления!)

Для начала рассмотрим существующее положение дел, возникающее перед охотником, желающим реализовать на продовольственном рынке добытую им пернатую дичь.

В качестве примера рассмотрим положение дел в Кировской области (что с теми или иными корректировками можно экстраполировать на многие регионы России).

По официальным данным в Кировской области более 37000 охотников. Можно с большой долей вероятности полагать, что из них около 30000 хотя бы раз в год добывают то или иное употребляемое в пищу охотничье животное (кто-то рябчика, кто-то медведя, или других). Практика подсказывает, что употребление в пищу блюд из дичи «в одно лицо» - это крайне редкое явление. Обычно пищевая продукция охоты включается в рацион членов семьи охотника, его родственников, друзей, знакомых. Таким

образом, можно уверенно говорить о том, что в рационе как минимум 100000 жителей Кировской области представлена мясо-дичная составляющая. В реальности же эта цифра может оказаться значительно больше!

Отметим, что мясо диких копытных животных, медведей и барсуков охотниками практически всегда проверяется на заражённость трихинеллёзом, финнозом и прочим. В зависимости от законности или незаконности добывания этих животных люди осуществляют проверку либо в подразделениях ветслужбы, либо при помощи знакомых ветеринаров и других специалистов, обладающих необходимыми навыками и техническими возможностями, либо самостоятельно при наличии вышеуказанного. Особенно важно отметить и понимать, что пернатая дичь (а также зайцы и бобры) употребляются в пищу совершенно спокойно, без каких-либо ветеринарных осмотров и экспертиз (достаточно осмотра состояния добычи самим охотником). При этом можно уверенно считать, что пернатая дичь попадает на стол также как минимум 100000 жителей Кировской области.

Существует ли на «Земле Вятской» рынок пищевой охотничьей продукции? Ответ утвердительный. Этот рынок по большей части можно назвать «серым» (не подпадающим под официальный контроль). «Чёрный рынок» (с нарушениями законодательства) может возникнуть при установлении тех или иных законодательных запретов и/или каких-либо дополнительных административных барьеров. Ситуация выглядит примерно следующим образом. Когда у охотника есть желание продать «дикое» мясо (обычно продаются излишки, реализация которых позволяет хоть отчасти покрыть финансовые затраты на охоту), он, воспользовавшись «специальным блокнотиком», содержащим список потенциальных покупателей, обзванивает их и предлагает купить продукцию охоты (можно воспользоваться и Интернетом). Среди таких покупателей, как правило, большая часть людей это не охотники, это люди, желающие иметь в своём рационе вкусную, здоровую, экологически-чистую («биоадекватную») пищу. То есть, это люди, заботящиеся о своём здоровье и здоровье своих близких. Им охотник и может реализовать (продать) результаты своего труда. Схожая ситуация, (тема явно нуждается в серьёзном исследовании) с теми или иными местными особенностями, определённно свойственна и для других регионов России

Однако на практике всё это может быть сопряжено с рядом, так скажем, житейских трудностей: самому мясу хранить негде, на улице «тепльнь», клиентов не оказалось на месте или у людей просто на данный момент нет денег (что не редкость).

При всём этом желание реализовать продукцию охоты на продовольственном рынке (напомним, что в статье мы рассматриваем именно пернатую дичь), через магазин, эко-ярмарку, сдать в ресторан и прочее, сопряжено с рядом трудностей и удивительных административных барьеров [4], что всячески препятствует развитию рынка продуктов здорового питания.

Согласно статье 21 закона «О ветеринарии»: «Мясо, мясные и другие продукты убоя (промысла) животных и иная продукция животного происхождения подлежат ветеринарно-санитарной экспертизе в целях определения их пригодности к использованию для пищевых целей. Запрещаются реализация и использование для пищевых целей мяса, мясных и других продуктов убоя (промысла) животных, ... не подвергнутых в установленном порядке ветеринарно-санитарной экспертизе».

В соответствии с «Правилами ветеринарного осмотра убойных животных и ветеринарно-санитарной экспертизы мяса и мясных продуктов» (утв. Минсельхозом СССР 27.12.1983 и применяемыми поныне), включающими в себя раздел 5: «Ветеринарно-санитарная экспертиза продуктов убоя кроликов, нутрий и диких животных»:

«...Разрешается использовать в пищу мясо: лося, косули, дикого северного оленя, пятнистого оленя, благородного оленя (морал, изюбр и др.), кабарги, сайгака, серны, козерога, дикого барана, кабана, медведя, барсука, зайца, дикого кролика, бобра, пернатой дичи ... Владелец мяса при доставке для ветсанэкспертизы должен представлять ветеринарное свидетельство (ветеринарную справку) о благополучии местности по заразным заболеваниям диких и домашних животных, в котором должны быть указаны время и место добычи, результаты ветеринарного осмотра ... Ветеринарно-санитарный осмотр мяса диких животных и пернатой дичи, если отстрел (или вылов) их осуществляется заготовительными организациями, проводится на месте заготовок (пунктах концентрации), а добываемых отдельными охотниками - лабораториями ветеринарно-санитарной экспертизы на рынках и ветеринарными станциями по борьбе с болезнями животных ... Пернатую дичь доставляют для осмотра в оперении и потрошеную ...»

Нелишним будет отметить, что вероятно под словом «морал» в ветеринарном законодательстве всё же понимается подвид благородного оленя *морал* – *Cervus elaphus sibiricus*. Вызывает некоторое недоумение и то, что среди разрешённых ветеринарным законодательством к употреблению человеком в пищу охотничьих животных не включены: лань, овцебык, гибриды зубра с бизоном и домашним скотом, сурки, суслики, ондатры и белки.

В соответствии с разделом 6: «Ветеринарно-санитарная экспертиза мяса и мясопродуктов на колхозных рынках» «Правил ветеринарного осмотра убойных животных и ветеринарно-санитарной экспертизы мяса и мясных продуктов» (утв. Минсельхозом СССР 27.12.1983): «6.2 Ветеринарно-санитарной экспертизе на рынках подлежат: 6.2.1. Мясо всех видов убойных животных, а также мясо диких животных и пернатой дичи, используемых в пищу в данной местности, которое доставляют для продажи в остывшем, охлажденном, мороженом или засоленном виде. Внутренние органы и другие субпродукты, которые поступают вместе с тушей. Внутренние органы и субпродукты, доставленные отдельно без туши, к продаже не допускаются, но подлежат осмотру. Внутренние органы и субпродукты от здорового животного возвращаются владельцу, а при обнаружении патологоанатомических изменений подлежат утилизации или уничтожению. 6.2.3. ... Все указанные выше продукты, не проданные на рынке в течение дня и хранившиеся вне рыночных холодильников, на следующий день подлежат повторной экспертизе. 6.5. Тушки птицы допускаются к осмотру только в целом виде, но потрошенные. Внутренние органы, кроме кишечника, должны быть доставлены для осмотра вместе с тушкой. 6.6. Владелец, доставляющий для продажи мясо и субпродукты животных, должен одновременно представить ветеринарную справку, оформленную в установленном порядке, подписанную ветеринарным врачом (фельдшером) и заверенную печатью ветеринарного учреждения, о том, что животное было осмотрено перед убоем, а после убоя все продукты были подвергнуты ветеринарно-санитарной экспертизе согласно настоящим Правилам и что они выходят из местности, благополучной по заразным болезням. Справка действительна в течение трех дней. В справке должны быть указаны дата и время убоя животного. Если для продажи доставлены мясо и субпродукты без ветеринарной справки, то такое мясо и субпродукты помещают в санитарную камеру до предъявления ветеринарной справки. В случае непредставления справки мясо и субпродукты подлежат лабораторному исследованию. При вывозе мяса и субпродуктов для продажи за пределы административного района владелец их должен представить ветеринарное свидетельство формы № 2».

Таким образом, из вышеописанных требований ветеринарного законодательства вытекает следующий алгоритм действий «отдельного охотника» желающего реализовать через торговую сеть мясо-дичную продукцию охоты в виде того или иного вида и количества пернатой дичи: 1) необходимо добыть дичь (это понятно); 2) нужно неошипанную, но потрошёную дичь доставить на ветеринарный (ветеринарно-санитарный)

осмотр в специализированное подразделение ветеринарной службы в том административном районе, в котором дичь добыта (отловлена или отстреляна). 3) Здесь же нужно получить ветеринарную справку (свидетельство) по форме № 2, содержащую информацию о благополучии местности по заразным заболеваниям диких и домашних животных, в которой должны быть указаны время и место добывания и результаты ветеринарного осмотра. 4) Далее тушки дичи, а также их внутренние органы за исключением кишечника, предоставляются для проведения ветеринарно-санитарной экспертизы на рынке. При этом охотник должен иметь на руках ветеринарную справку по форме № 2, полученную «по месту добывания», которая действительна в течение трёх суток.

Следует также отметить, что документ, утверждённый Минсельхозпродом РФ 16.05.2000 № 13-7-2/2012 «Ветеринарно-санитарный осмотр продуктов убоя животных. Ветеринарные методические указания (ВМУ)» практически никак не изменил ситуацию, а скорее внёс дополнительные проблемы. Так, например, согласно пункту 9.1 «Осмотр продуктов убоя диких животных и пернатой дичи»: «Добычу диких животных и пернатой дичи производят в соответствии с нормативными актами на территории, благополучной по острым заразным болезням домашних и диких животных, по согласованию с Органами госветслужбы и последующей ветсанэкспертизой продуктов охотничьего промысла». Не вдаваясь в детали, обратим внимание лишь на то, что речь здесь идёт именно и только о неких «продуктах охотничьего промысла», а благополучие местности по острым заразным заболеваниям некоторых домашних животных (условно говоря, каких-нибудь хомячков) с трудом можно связать с охотой, например, на гусей.

Таким образом, вышеописанный механизм действий охотника, желающего реализовать на рынке областного центра добытую в одном из муниципальных районов области боровую или водоплавающую пернатую дичь по нашему мнению явно нецелесообразен.

Возникают сомнения в необходимости проведения ветеринарного осмотра «по месту добывания» в отношении боровой и водоплавающей дичи. На наш взгляд – это абсолютно излишне.

Во-первых, данное требование в отношении пернатой дичи (а также, например, зайцев и бобров) в реальности трудновыполнимо. Если «ветпункт» находится в районном центре, а охотник (желающий реализовать её в областном центре) добыл дичь вдали от него, то затраты времени на проезд в райцентр, затраты на топливо, на время ожидания в очереди, да и если учесть, что можно не попасть в приёмный день или приёмные часы, - всё это

(в том числе и по отдельности) автоматически сводит желание охотника к таким «перипетиям» на нет. Ну а уж про поездки на общественном транспорте лучше даже не вспоминать. Кроме того, дичь, добытая петлями, быстро портится, и её следует рекомендовать для срочной реализации [1, 2].

Во-вторых, возникает вопрос, какое отношение данный ветеринарный осмотр имеет к обеспечению биологической или ветеринарно-санитарной безопасности? В сезон охоты добытая пернатая дичь перемещается вместе с охотниками по какому-либо субъекту РФ (и за его пределы) совершенно непредсказуемым образом и в больших количествах. Также кстати перемещается выловленная рыбаками рыба. Какому-либо контролю это в принципе не поддаётся. Также не следует забывать, что в отличие от большинства сельскохозяйственных животных, дикие животные (тем более пернатая дичь) «не признают административных границ». Перемещения водоплавающей дичи (представители которой, как известно, осуществляют и «трансграничные межгосударственные полёты») наглядно демонстрируют всю нелогичность исследуемых нами ветеринарных требований. Такое положение вещей, на наш взгляд, явно нельзя считать нормальным. Философы называют это «умножением сущностей без надобности». Какой смысл контролировать частности, если по объективным причинам невозможно проконтролировать весь процесс в его многообразии в целом?! Какой смысл получать ветеринарную справку на добытую утку «по месту добывания», чтобы можно было её доставить к месту проведения ветсанэкспертизы на рынке? Экспертиза перед реализацией всё равно проводится, а живые утки «мотаются из стороны в сторону» в независимости от воли людей. Вообще же, бессмысленно пытаться запрещать или регламентировать то, что в принципе невозможно проконтролировать!

Таким образом, для целей развития в России рынка пищевой продукции охоты (в данном случае пернатой дичи, добываемой физическими лицами), де бюрократизации отрасли и избавления охотников от необоснованных административных барьеров, считаем необходимым (помимо прочего) следующее:

1. Рассмотрение вопроса об отмене требования об обязательном проведении ветеринарного осмотра пернатой дичи «по месту добывания». При этом для охотников должна быть сохранена возможность обращения в любой специализированный ветеринарно-санитарный орган как «по месту добывания», так и в процессе транспортировки дичи, для получения компетентного заключения о соответствии добытой дичи потребительским качествам и требованиям, законодательно определённым.

2. Ветсанэкспертиза должна непосредственно предшествовать (критерий «непосредственности» должен быть нормативно установлен) акту приёма-передачи дичи в торговую сеть, на рынок, в магазин, ресторан и т.п.

3. Некоторый федеральный реестр местностей, неблагополучных по опасным заболеваниям пернатой дичи, должен существовать и действовать в режиме on-line, что избавит граждан от необходимости прохождения бюрократических этапов и увеличит их доступ к социально-значимой информации.

4. В случае выявления неблагоприятных по заболеваниям пернатой дичи местностей введение в действие режима с необходимостью ветеринарно-санитарного осмотра и/или ветсанэкспертизы пернатой дичи «по месту добывания» возможно правоприменительным (не нормативным) документом в виде распоряжения главного санитарного (ветеринарного) врача региона или губернатора. Подчеркнём, что по нашему мнению, здесь нужно вести речь о введении особого режима именно правоприменительным актом в целях предотвращения опасной или чрезвычайной ситуации, в том числе с определением зон экстренного оповещения населения.

Список литературы

1. Бурков В. И. Ветсанэкспертиза мяса и жира диких животных и пернатой дичи / В. И. Бурков, М. Ф. Боровков, И. С. Колесниченко, В. С. Касаткин // Ветеринария. – 2003. - № 2. – С. 55-63.

2. Давлетов З. Х. Товароведение и технология обработки мясо-дичной, дикорастущей пищевой продукции и лекарственно-технического сырья / З. Х. Давлетов - Учебное пособие. – СПб.: Издательство «Лань», 2015. – 400 с.

3. Козлов В. М. Фактическая средняя дневная добыча боровой дичи как фактор регулирования охоты / В. М. Козлов, С. В. Халтурин // Вестник охотоведения. – 2015. – Т. 12. – №. 1. – С. 53-57.

4. Мадейски М. Федя, дичь! / М. Мадейски // Основной инстинкт. – 2011. - №7. – С.80-83.

5. Пушкин А. В. Проблемы дефинитивной корректности термина «продукция охоты» в российском охотничьем законодательстве [Электронный ресурс] / А. В. Пушкин, И. А. Гребнев // ОБЩЕСТВО, НАУКА, ИННОВАЦИИ. (НПК – 2016) : всерос. ежегод. науч.-практ. конф.: сб. статей, 18-29 апреля 2016 г. / Вят. Гос. Ун-т. – Киров, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С.5552 – 5559.

6. Сафонов В. Г. Пищевая продукция охоты и её значение в связи с проблемой экологической безопасности / В. Г. Сафонов, М. Н. Андреев, В. М. Глушков // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. – 2004. – №. 1. – С. 21-22.

7. Сафонов В. Г. Соболь и бобр в пушном деле России / В. Г. Сафонов, А. А. Сеницын // Вестник охотоведения. – 2015. – Т. 12. – №. 2. – С. 167.

8. Шапкина Л. П. Ветеринарно-санитарная экспертиза мяса пернатой дичи: автореф. дисс. ... канд. вет. наук. – Москва, 2003. – С. 5-6.

БИОТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ОХОТХОЗЯЙСТВЕ «ДУБРОВСКОЕ» КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.Н.Макарова, А.Д.Горохов
ФГБОУ ВО Южно-Уральский ГАУ, Троицк, Россия
kbioecugavm@inbox.ru

В статье приводится анализ биотехнических мероприятий в охотхозяйстве «Дубровское» Костанайской области.

Ключевые слова: промысловые животные, биотехнические мероприятия.

BIOTECHNICAL MEASURES IN THE HUNTING FARM "DUBROVSKY» KOSTANAY

T.N.Makarova, A.V.Gorohov
FGBOU IN South Ural State University of Agriculture, Troitsk, Russia

The article provides an analysis of biotechnological activities Hunting Lease "Dubrovsky" Kostanay region .

Key words: fishing, animal biotech event.

Основной задачей охотничьего хозяйства является рациональное использование ресурсов диких зверей и птиц, с целью получения максимального количества продукции и поддержания популяций на уровне максимально устойчивой продуктивности.

Изучение состояния и использования ресурсов охотничьих животных в отдельно взятом хозяйстве кажется нам весьма актуальным и практически необходимым.

Цель работы – проведение анализа промысловых ресурсов и биотехнических мероприятий в охотхозяйстве «Дубровское» Костанайской области.

Охотничье хозяйство «Дубровское» расположено на территории Федоровского района Костанайской области.

Территория хозяйства разделена на эксплуатационную и воспроизводственную зоны. Площадь воспроизводственной зоны 22400 га (20% территории охотничьего хозяйства) и предназначена для

увеличения численности охотничьих животных.

Охотничья фауна охотхозяйства разнообразна по своему видовому составу. К видам охотничьих животных, постоянно обитающих на территории охотничьего хозяйства, относятся: волк, лиса, корсак, косуля, барсук, степной хорек, заяц русак, заяц беляк, ондатра, куропатка серая. Из мигрирующих видов в угодьях обитают: серый гусь, белолобый гусь, гуменник, кряква, серая утка, шилохвость, свиязь, чирок-свистунок, чирок-трескунок, широконоскa, пеганка, огарь, большой крохаль, луток, красноголовый нырок, хохлатая чернеть, лысуха, кулики, голуби. По качеству охотугодий и составу охотфауны охотхозяйство отнесено к IV категории.

Учет численности диких животных проводится в соответствии с «Методическими рекомендациями по проведению учета отдельных видов диких животных», утвержденных приказом Председателя Комитета лесного и охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан от 23 августа 2005 года № 191.

Целью учета является выяснение численности животных и их размещение на территории хозяйства. Расчет численности охотничьих животных обитающих на территории охотничьего хозяйства производился по существующим методикам на основании учетных данных, полученных в период проведения полевых работ.

В результате учетных работ хозяйства получают обоснованные сведения о численности животных на всей территории хозяйства и по интересующим отдельным участкам, обходам. На основании этих материалов оценивается и составляется план основной деятельности хозяйства: устанавливается план отстрела по всему хозяйству и его частям, решается вопрос о необходимости частичного или полного запрета промысла того или иного вида охотничьих животных.

Для рационального использования охотничьих ресурсов, их неистощительного использования, охраны, а в общем плане – управления

ими, учитывая их высокую динамичность, необходимо постоянное слежение за изменением в численности и добыче животных, т.е. ведение мониторинга охотничьих ресурсов.

Угодья позволяют изымать большее количество животных, но все-таки происходит их недоосвоение в связи с занижением количества выдаваемых лицензий.

Силами егерской службы в хозяйстве проводятся охранные, учетные и охотхозяйственные мероприятия, в том числе: ремонт аншлагов, оборудование егерских пунктов, изготовление охотничьих скрадков, мероприятия по борьбе с бешенством и заболеваниями диких животных (табл. 1).

Таблица 1- Объем основных видов выполняемых работ в год

№ п/п	Показатели	Объем работ		Сумма затрат тыс.тнг.	Структура затрат в %
		ед. изм.	объем		
1	Охрана диких животных и среды их обитания	тыс.тенге		38,2	25,6
2	Проведение учетов численности диких животных	тыс.тенге		31,7	18,6
3	Проведение охотхозяйственных мероприятий, в том числе: -ремонт панно -ремонт аншлагов	шт.	1	17,7	24,2
		шт.	5	20,0	
4	Проведение внутрихозяйственного охотустройства			49,0	31,6
5	Итого по хозяйству			156,6	100

В охотничий сезон охотникам-любителям в хозяйстве предоставляются следующие виды услуг - сопровождение охотников к месту охоты на копытных, предоставление охотничьих скрадков, обработка добытых охотником тушек диких животных, изготовление охотничьих сувениров,

оформление охотничьих трофеев. За 2015 г. сумма расходов и доходов охотхозяйства представлена в таблице 2.

Таблица 2- Сумма расходов и доходов охотхозяйства за 2015 год

№ п/п	Показатели	Сумма (тыс.тнг.)	%
I. Доходы и поступления:			
1	Реализация охотничьих путевок	147	78,6
2	От реализации путевок на копытных	40	21,4
	Итого доходов и поступлений:	187	100
I. Расходы:			
1.	Заработная плата и содержание работников охотничьего хозяйства	191,4	55
2.	Охрана диких животных и среды их обитания	38,2	11
3	Проведение учетов численности диких животных	31,7	9,1
4	Проведение охотхозяйственных мероприятий	37,7	10,8
5	Проведение внутрихозяйственного охотхозяйства	49	14,1
	Итого расходов	348,0	100

Создание охотничьего хозяйства в обустраиваемых угодьях позволило организовать охрану (в том числе редких и исчезающих видов) и рациональное использование запасов водоплавающих птиц на важнейшем миграционном пути птиц Евразии.

Основными проблемами являются увеличение выхода продукции, улучшение ее качества и снижение себестоимости. Важным условием этих проблем следует считать увеличением запасов охотничьих животных, обогащение государственного охотничьего фонда.

Значительную роль в разрешении этой задачи играют различные биотехнические мероприятия в охотничьих хозяйствах как промыслового, так и спортивного направления, цель которых — увеличение запасов охотничьих животных и повышение их продуктивности путем создание более благоприятных условий их существования.

Данные о проведении биотехнических и охотхозяйственных мероприятий в охотничьем хозяйстве «Дубровское» отражены в табл. 3-4.

Таблица 3- Биотехнические мероприятия в охотничьем хозяйстве
(кол-во единиц)

№	Устроено	2010 г.	2011 г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015 г.
1	Искусственных гнезд	110	200	150	100	120	130
2	Галечников						
3	Водоемов						
4	Солонцов	10	12	12	8	9	9
5	Стационарных кормушек	78	8	6	7	6	10
6	Подкормочных площадок	4	4	5	4	3	6
7	Прокос расчистка борозд	20км	25км	18км	20 км	25 км	20 км

Таблица 4-Биотехнические мероприятия (заготовка кормов)

№	Виды кормов	Объем заготовок (в числителе-заготовлено, в знаменателе-выложено)					
		2010 г.	2011 г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.
1	Сена	0,700	2300	2400	2400	2500	2600
		0,700	2300	2400	2400	2500	2600
2	Веников и веточного корма (шт)	300	-	2000	2000	2500	2500
		300		2000	2000	2500	2500
3	Корнеплодов (ц)						
4	Зерна (ц)						
5	Зерноотходов (ц)		0,150	1,1	1,1	1,1	1,2
			0,150	1,1	1,1	1,1	1,2
6	Ягод и плодов (ц)						
7	Других кормов (ц)						
8	Соли (кг)	15	20	40	90	90	90
		15	20	40	90	90	90

Анализ данных таблиц 3-4 показывает, что с каждым годом хозяйство увеличивает количество проводимых биотехнических мероприятий (в соответствии с планом проведения данных мероприятий), а это в свою

очередь ведет к увеличению затрат на биотехнию.

Однако доходность хозяйства имеет отрицательную разницу в период с 2010 по 2014г. Основная часть затрат приходится на заработную плату обслуживающего персонала 46,3%. Затраты на охранные и биотехнические мероприятия составляют 43,6%.

Перед хозяйством стоит задача, путем проведения охранных и биотехнических мероприятий увеличить количество охотничьих животных, доведя их до оптимальной плотности и тем самым, увеличив количество животных подлежащих изъятию, повысить пропускную способность охотничьего хозяйства. Увеличить спектр услуг оказываемых охотникам.

Данные меры помогут хозяйству значительно повысить экономическую эффективность и сделать его прибыльным.

Список литературы

1. Методические указания по проведению внутривладельческого охотустройства в Республике Казахстан (Утверждены приказом Председателя Комитета лесного и охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан от 27 декабря 2006г. № 291).
2. Степанов, Ю.В. Концепция «Ведения охотничьего хозяйства Республики Казахстан в новых экономических условиях» / Ю.В. Степанов, Р.Ж.Байдавлетов, Э.М.Ауэзов, Р.М.Хабибрахманов // Мат.науч.-практ.конф.по ведению охот.хоз-ва в новых экономических условиях. Алма-аты, 1995. С.165-195.
3. Нормативы биотехнических мероприятий при ведении охотничьего хозяйства на территории Республики Казахстан (Утверждены приказом Председателя Комитета лесного и охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан от 19 сентября 2006 года №199).

Секция «Роль охотничьего хозяйства в сохранении редких и исчезающих животных»

УДК 599.742.712

**МОНИТОРИНГ АМУРСКОГО ТИГРА НА ТЕРРИТОРИИ ФГБУ
«ГООХ «ОРЛИНОЕ» И АПРОБАЦИЯ КОМБИНИРОВАННОГО
СПОСОБА УЧЕТА**

А.П. Ганзевич, А.В. Ганзевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Государственное
опытное охотничье хозяйство «Орлиное» (ФГБУ «ГООХ «Орлиное»),
Владивосток, Россия
antonganzevich@mail.ru

*В статье рассматриваются мониторинг амурского тигра, альтернативные
способы учета, возможность их применения на практике, а также эффективность
использования данных методов*

*Ключевые слова: амурский тигр, длина суточного хода, методы учета, зимний
учет «по следу».*

**MONITORING THE TIGER ON TERRITORY FSBI «SHEF «ORLINOYE»
AND APPROBATION COMBINED METHOD CALCULATION**

A.P. Ganzevich, A.V. Ganzevich

Federal State Budget Institution “The «Orlynoye» State hunting experience farm“,
Vladivostok, Russia

*This article discusses the alternative means registration tigris altaica possibility their
adaptation practice, also effectiveness use results method.*

*Key words: tigris altaica, length day,s motion, method registration, winter registration
“the track down”.*

Амурский тигр (*Panthera tigris altaica*) самый крупный представитель семейства Кошачьих. Тигры, как и другие представители рода *Panthera*, ведут скрытный образ жизни, являясь территориальными животными. Степень адаптации тигра к сложным экологическим условиям, характерным для северного предела распространения вида, достаточно высока. Низкие зимние температуры не влияют на жизнедеятельность тигра. Временные лежки в зимний период он устраивает прямо на снегу и может находиться на них по несколько часов - эта приспособленность к морозам уникальна и характерна только для амурского подвида тигра. Для длительного же отдыха они предпочитают склоны, гребни горных отрогов, находят места с хорошим обзором, откуда легко распознать возможную опасность или «засечь»

местонахождение добычи; самих же зверей в такой обстановке обнаружить чрезвычайно трудно (Юдаков).

По данным многолетних наблюдений за амурским тигром, проводимым на территории ФГБУ «ГООХ «Орлиное», основные места обитания расположены в бассейнах среднего и нижнего течения горных рек, таких как Харитоновка, Лобовка, Большая и Малая Солдатка, Кучелинова, Мамонтова, Стеглянуха, Тигровая, кл. Ламазина и др. на высотах 150- 700 м н.у.м. Изредка встречаются заходы тигров в высокогорные участки, в том числе на Шкотовское плато, и только в бесснежный или малоснежный периоды.

Распределение особей по территории хозяйства неравномерно и напрямую зависит от концентрации копытных в той или иной части хозяйства. Если копытные животные концентрируются в определенных местах хозяйства, хищник следует за ними.

Основным методом определения численности тигра на территории ФГБУ «ГООХ «Орлиное» является учет в зимний период «по следу», в соответствии с методикой, утвержденной приказом Министерства Природных Ресурсов Российской Федерации от 15.03.2005г. № 63.

Альтернативой зимнему учету «по следу» является мониторинг тигра с применением автоматических средств видеофиксации. На сегодняшний день этот метод пользуются большой популярностью во всем мире. В национальных парках Индии был разработан и успешно применяется метод учета тигров с помощью фотоловушек (Karanth, Nichols, 1998). В основе этого метода лежит возможность распознавания тигров по фотографиям благодаря уникальному узору полос на шкуре каждого животного (Schaller, 1967). Одним из основных преимуществ применения фотоловушек, является достоверность полученной информации, при этом исключается субъективная оценка экспертов.

Территория, для учета тигров с применением фотоловушек, составляет около 75000 га, (Ганзевич). На этой площади сотрудниками хозяйства на 11 площадках установлено 22 фотоловушки марки Scout Guard DTC-530V и Bestok LTL-8210A, сотрудниками ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН (в рамках совместной научной деятельности учета тигра), на 7 площадках установлено 13 фотоловушек марки Bushnell (рис 1).

Установка автоматических фотоловушек на Шкотовском плато, по причине высокого снежного покрова зимой, не производится.

Рисунок 1. Кл. Ламазина (фото сделаны фотоловушками ИПЭЭ и им. А.Н. Северцова РАН) фотоловушки марки Bushnell, Правый Тигровый (фотоловушка марки Bestok LTL-8210A)

С помощью автоматических фотоловушек можно с высокой степенью достоверности определить количество особей, исключив повторный учёт животных на сопредельных территориях. Именно фотомониторинг позволяет получать данные круглогодично, независимо от погодных условий.

Сбор информации о состоянии популяции амурского тигра методом бесконтактного мониторинга, с использованием автоматических фотоловушек, является на сегодняшний день наиболее информативным методом учета. Этот метод позволяет определить вид, пол, упитанность, общее физиологическое состояние и примерный возраст объекта учета.

В соответствии с государственным заданием на 2016 год учреждению была определена тема опытной работы - «Отработка методов определения длины суточного хода амурского тигра в охотничьих угодьях ФГБУ «ГООХ «Орлиное», которая осуществляется под методическим руководством отдела мониторинга и опытных работ в охотничьем хозяйстве ФГБУ «Центрохотконтроль». Ожидаемые результаты - выявление пространственного размещения тигров в охотничьих угодьях Учреждения, совершенствование методики учета амурского тигра, а также получение уточненных данных о биологии тигра.

Информацию о длине суточного хода можно получить двумя способами:

1. прямым троплением с последующим расчетом среднего значения;
2. сопоставлением числа встреченных следов с плотностью населения животных, которую, согласно методических рекомендаций, определяют на пробных площадках методом многодневного оклада.

1. Прямое тропление, предлагаемое методическими рекомендациями, не может быть применимо для измерения длины суточного хода тигра в связи с тем, что:

- суточная активность тигра не является строго цикличной и не укладывается в какую-либо простую, неизменно повторяющуюся схему;

- не всегда получается быстро и оперативно обнаружить свежий след тигра для его тропления;
- учетчик не всегда физически способен пройти по следу тигра весь его суточный маршрут;
- методика предусматривает неоднократное приближение к животному и установление с ним визуального контакта. Однако тигр является крайне опасным хищником, поэтому контакт с ним может иметь самые серьезные последствия для учетчика.

На основании вышеизложенных доводов, использование Методических указаний по организации, проведению и обработке данных зимнего маршрутного учета охотничьих животных РСФСР (1990г.) для тропления тигра неприемлемо!

Другим способом определения пересчетного коэффициента может быть учет на пробных площадках методом многодневного оклада.

2. Для учета копытных, средних и крупных хищников в соответствии с Методикой предназначена пробная площадка размером 800 га с квадратами 1000 x 1000 метров. Учитывая плотность тигра (в 2016г – 6 тигров/100 тыс. га.) численность тигров на пробной площадке равна 0,048 особей на 800 га, т.е. чтобы учесть одного тигра, надо заложить 21 пробную площадку.

В связи с этим для определения длины суточного хода **комбинированным** способом на территории охотхозяйства был проведен учет суточных следов тигра по методике ЗМУ (затирка-учет), используя утвержденные хозяйством многолетние маршруты, согласно Методическим рекомендациям по проведению и организации учета амурского тигра в Российской Федерации, утвержденный приказом МПР РФ от 15.03.2005 г № 63, (лесовозные дороги, просеки, реки, ручьи, распадки, хребты и т.д.).

При прохождении маршрутов, заложенных по всей территории хозяйства «Орлиное», фиксировалось следующее.

Отмечались только суточные пересечения следов тигра, тогда как при **традиционном** учете учитываются все встреченные следы, различной давности с промером «пятки». С помощью GPS –навигатора расположение встреченных следов на маршруте записывался трек и его протяженность. Указывался способ прохождения маршрута (на машине, на буране, пешком, смешанный), маршрут проходили после пороши (через 24-26 часов) либо с затиркой (глубина снега более 5 см). Проводился замер глубины снега (глубину снега необходимо измерить на трех точках маршрута в начале, середине и конце маршрута), указывался, рельеф (склон, долина или вершина хребта), отмечался тип леса – хвойный, лиственный или смешанный.

В результате учета **комбинированным** способом в период с 18 февраля по 2 марта 2016г., было пройдено 22 маршрута, протяженностью 354 км. Из них было пройдено 3 маршрута пешком, 6 маршрутов на автомобиле (снегоходе) и 13 смешанных маршрутов (автомобиль/снегоход/пешком). **Комбинированный** способ проводился по методу затирка-учет, где общая протяженность маршрутов составила 708 км. Итогом учетов **комбинированным** способом стала фиксация 3 суточных следов (табл. 1.).

Анализируя данные многолетних учетов, показанных в таблице 1, мы видим, что учет комбинированным способом может выявить только наличие суточных следов и их количество. При этом не будет учитываться, какое количество животных оставило следы, тем самым значительно завысив или занизив истинные показатели численности амурского тигра.

Таблица 1 Результаты многолетних учетов амурского тигра на территории ФГБУ «ГООХ «Орлиное»

Год учета	Количество маршрутов (этапы)		Протяженность маршрутов, км (этапы)		Общее количество следов с промером		Количество суточных следов		Количество идентифицированных тигров
2012	10		135		24		5		7
2013	10		116		13		0		3
2014	20	20	321	321	26	14	2	4	7
2015	20	20	321	321	3	5	0	2	3
2016	20	20	321	321	9	11	3	0	6
2016*	22		354		0		3		6**

2016г* - результаты пройденных маршрутов комбинированным способом

6** - количество идентифицированных тигров традиционным способом

Количество суточных следов и количество идентифицированных тигров значительно различаются между собой по годам, что видно на рисунке 1.

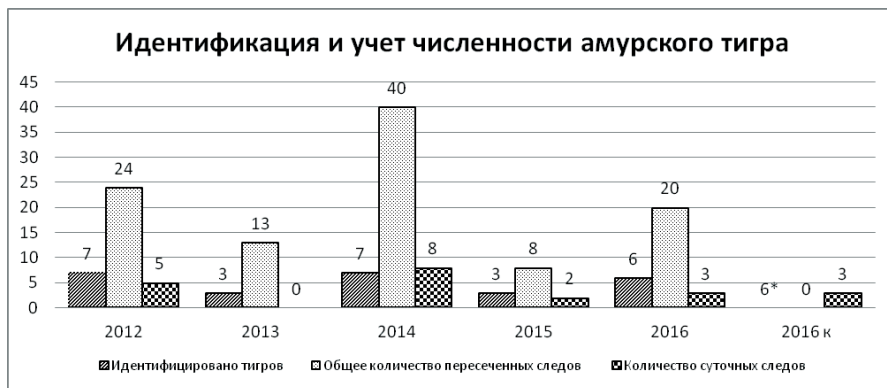

Рисунок 1. Сравнительные показатели численности амурского тигра и их идентификация

2016к – комбинированный метод учета

6 - количество идентифицированных тигров традиционным способом*

В 2012 и 2013гг. протяженность маршрутов составляла от 116 до 135км. Учеты проходили в один этап на 10 маршрутах.

С 2014 по настоящее время учет тигра проводится в два этапа на 20 маршрутах общей протяженностью 321 км. В 2016 г. помимо **традиционного** метода учета, были дополнительно пройдены маршруты **комбинированным** способом.

При этом результатом **традиционного** способа (без затирки), который проходил в два этапа в период с 21 декабря по 23 декабря 2015 г и с 1 января по 3 февраля 2016г. было идентифицировано 6 особей и 1 особь приходящая. Протяженность маршрутов составила 321 км. Всего за два этапа, протяженность которых составила 642 км, из них было пройдено 5 маршрутов пешком, 12 маршрутов на автомобиле (снегоходе) и 23 маршрута смешанным способом (автомобиль/снегоход/пешком). По результатам двух этапов традиционным способом учета амурского тигра было зафиксировано 20 пересечений следов различной давности.

Самое главное и важное отличие **традиционного** метода от **комбинированного** - это то, что при традиционном методе учитываются все встреченные следы тигра, с промером пятки. Замеряют отпечаток пятки передней лапы, которой обычно на 1 см больше отпечатка задней. Часто, особенно при глубоком снеге, тигр ставит заднюю лапу в отпечаток

передней, получается совмещенный отпечаток. При обнаружении следа тигрицы с тигрятами, измеряются следы самки и всех тигрят.

Указывается на какой поверхности был оставлен отпечаток: на чистом снегу, на дороге, на тропе, на лыжне или на бураннике. Отмечается давность следа, т.е. когда он был оставлен, используя следующие границы: менее 1 суток, 1 – 2 суток, 2 – 4 суток, 4 – 7 суток, более 7 суток или давность неизвестна.

По размеру пятки определяется пол и возраст животного (взрослый, молодой или тигренок). Для определения половозрастных градаций используют общепринятые методики.

Что касается учетов численности амурского тигра с применением методики ЗМУ, рассчитать численность амурского тигра таким способом невозможно, а если и реально, то это приводит к искажению действительной численности. Этого нельзя сделать по следующим причинам:

- Маршруты по методике ЗМУ прокладываются на категории лесных, болотных, полевых угодий, где учитываемые животные распределены равномерно, чего нельзя сказать о тиграх. Вероятность встречи следов тигра на такой территории практически нулевая.

Все маршруты по учету тигра традиционным способом проходят по основным местам их характерного пребывания на данной территории, а также опираясь на полученный материал с автоматических фотокамер, где с определенной периодичностью появляется тигр. В основном это склоны хребтов, лесосеки, дороги, долины рек.

- В ЗМУ учитывается количество пересечений и можно одного тигра посчитать несколько раз, тем самым зависив его реальную численность. При учете традиционным методом считаются все следы с размерами, благодаря чему можно определить количество и возраст хищников. Количество тигра определяется по размеру следа, а не по количеству пересечений.

- Практически невозможно определить точную длину суточного хода т.к. активность амурского тигра в течении суток не циклична и во многих случаях зависит от успешности охоты. В случае крупной добычи, хищник может находиться около жертвы от 3 до 5 дней. При этом успешная охота у хищника может состояться как днем, так и ночью. В этот период тигр много лежит и мало ходит. Помимо всего этого, успешность охоты во многом зависит от физического состояния хищника.

- Из работ исследователей, занимавшихся троплением тигра, следует, что ни один из них не определил достоверно среднюю длину суточного хода. В материалах А.Г. Юдакова, И.Г. Николаева описаны отдельные случаи

троплений, во время которых ученые тщательно изучали повадки и образ жизни хищников. Однако ни один случай, описанный ими, не совпадает по параметрам между собой, а также нет сведений о средней длине суточного хода.

Смена фаз активности на протяжении суток происходит у тигров неоднократно, причем эта ритмика не укладывается в какую-либо простую, неизменно повторяющуюся схему. (Юдаков). Для соблюдения максимальной объективности в оценке суточного хода учитывается точно зафиксированное расстояние, пройденное животным за определенное время.

Список литературы

1. Ганзевич А.П. Методика применения автоматических фотоловушек для учета амурского тигра на территории ФГБУ «ГООХ « Орлиное», /А.П. Ганзевич, [А.В. Ганзевич, А. М. Монахов.] // Охрана природной среды и эколого-биологическое образование: сб. матер. международной науч. пр. конф. - г. Елабуга: Издатель Леонтьев В.В., 2015 года. – С. 194-199.

2. Юдаков А.Г. Зимняя экология амурского тигра. По стационарным наблюдениям 1970-1973, 1996-2010гг. в западной части Северного Сихотэ-Алиня. Монография/А.Г. Юдаков, И.Г. Николаев. – 2-е изд. Исправленное и дополненное.- Владивосток: Дальнаука, 2012.

3. Karanth K.U., Nichols J.D. Estimating tiger densities in India from camera trap data using photographic captures and recaptures // Ecology. 1998. Vol. 79. P. 2852–2862.

4. Schaller G.B. The deer and the tiger: a study of wildlife in India. Chicago: University of Chicago Press, 1967. p 370.

Секция «Охотничий туризм: состояние, проблемы и перспективы»

УДК 639

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО ОХОТНИЧЬЕГО ТУРИЗМА

Н. И. Быков¹, С. В. Бердюгина², А. С. Еремин³

Ирбитское общество охотников и рыболовов, Ирбит, Россия¹

Управление культуры Ирбитского МО, Ирбит, Россия²

Централизованная клубная система Ирбитского МО, Ирбит, Россия²

В статье дается определение устойчивого охотничьего туризма

Ключевые слова: охотничий туризм, устойчивое развитие туризма, устойчивый охотничий туризм

DEFINITION OF SUSTAINABLE HUNTING TOURISM

N.I.Bykov¹, S.V.Berdyugina², A.S.Eremin³

Irbit society of hunters and fishermen, Irbit, Russia¹

Culture department of Irbit municipal district, Irbit, Russia²

Centralized club system of Irbit municipal district, Irbit, Russia³

The article gives a definition of sustainable hunting tourism

Key words: hunting tourism, sustainable tourism, sustainable hunting tourism

Ирбитское муниципальное образование (Свердловская область) первым в России подняло вопрос о развитии устойчивого охотничьего туризма как неотъемлемой части устойчивого развития сельских территорий.

Первоначально сотрудничество Ирбитского муниципального образования с Ирбитским обществом охотников и рыболовов проявилось в проведении совместных массовых мероприятий охотничьей направленности. В 2014 году были проведены курсы по устойчивому охотничьему туризму, которые финансировались администрацией муниципального образования. В связи с необходимостью создания учебных пособий по устойчивому охотничьему туризму, в конце 2015 года была подготовлена хрестоматия по устойчивому охотничьему туризму. [1]

В начале 2016 года уже продолжавшееся несколько лет сотрудничество между муниципальным образованием и местными охотниками было официально закреплено заключением соглашения о сотрудничестве в сфере развития устойчивого охотничьего туризма между Ирбитским муниципальным образованием и Ирбитским обществом охотников и рыболовов. При этом возникла практическая необходимость привести в соглашении определение устойчивого охотничьего туризма.

Как это ни странно, хотя развитию устойчивого охотничьего туризма уделяется повышенное внимание Международным советом по охоте и охране животного мира (CIC) и рядом стран, его определения обнаружить не удалось.

Определение собственно охотничьего туризма особых разногласий не вызывает. Так, финская исследовательница Анна Матилайнен пишет: «Охотничий туризм может быть определен как форма туризма, при которой человек выезжает за пределы его/ее места жительства с целью охоты (Alatalo, 2003; Lovelock, 2008; Keskinarkaus and Matilainen, 2009). Это определение включает как внутренние, так и международные поездки с целью охоты. Охота может и не быть единственной целью поездки, но должна быть основным ее элементом». [3]

Несколько иначе, но это же самое сказал координатор программы CIC «Устойчивый охотничий туризм» К. Циммерманн: «В некоторых районах охота становится занятием только нерезидентов. Охотников-нерезидентов можно охарактеризовать, как людей, которые прилагают значительные усилия, чтобы охотиться в конкретной дестинации. Поэтому, охота за пределами места жительства является *туризмом* и действительно формирует часть более широкого туристского рынка. Другими словами, каждый охотник-нерезидент — неважно, на сколько километров он/она перемещается — является туристом». [1]

Но, ни участники проекта ««Северная охота» (устойчивый охотничий туризм — бизнес-возможность для Северной Европы)» (Анне Матилайнен и др.), ни представители СИС ни дали определения, что такое устойчивый охотничий туризм.

Устойчивой («неистощительной») охоте, и соответственно — устойчивому охотничьему туризму, был посвящен первый выпуск серии технических публикаций FAO и СИС, изданный в 2009 году на английском и русском языках [2]. В нем, в частности, была опубликована позиция комиссии СИС по тропическим диким животным (которую возглавляет известный специалист по охране дикой природы Рольф Д. Бальдус) «Устойчивый охотничий туризм». Однако ни в ней, ни в других материалах сборника нет определения устойчивого охотничьего туризма.

Поэтому пришлось дать собственное определение устойчивого охотничьего туризма, для чего были использованы приведенные выше определения охотничьего туризма и определение устойчивого развития туризма, данное в 1995 году Всемирной туристской организацией, Всемирным советом по путешествиям и туризму и Европейским Союзом. В нем говорится: «Устойчивое развитие туризма удовлетворяет нынешние потребности туристов и принимающих регионов, охраняя и приумножая возможности на будущее. Управление всеми ресурсами должно осуществляться таким образом, чтобы, удовлетворяя экономические, социальные и эстетические потребности, сохранить культурную целостность, важные экологические процессы, биологическое разнообразие и системы жизнеобеспечения. Продукция устойчивого туризма — это продукция, которая существует в согласии с местной средой, обществом, культурой таким образом, что это приносит пользу, а не ущерб туристскому развитию».

[1]

Очевидно, что устойчивым охотничьим туризмом является тот охотничий туризм, который отвечает условию устойчивого развития туризма. Таким образом, устойчивый охотничий туризм может быть определен, как «посещение туристами-нерезидентами туристской дестинации в целях любительской спортивной охоты, при котором повышаются преимущества туристских ресурсов для местного населения при сохранении биологического разнообразия, культурной целостности и экономического благополучия туристской дестинации». Именно это понятие устойчивого охотничьего туризма было использовано в соглашении о сотрудничестве в сфере развития устойчивого охотничьего туризма между Ирбитским муниципальным образованием и Ирбитским обществом охотников и рыболовов, заключенном 19 февраля 2016 года. [1]

Конечно, данное определение устойчивого охотничьего туризма нельзя назвать исчерпывающим. Но важен сам факт принятия такого определения, с которым согласны как представители местного локального сельского сообщества, так и местные охотники. Но еще важнее осознание со стороны местного сообщества, что без устойчивого охотпользования невозможно устойчивое развитие сельской местности, а со стороны охотничьего сообщества, что будущее только за *устойчивым* охотпользованием, являющимся неотъемлемой частью устойчивого развития сельских территорий.

Список литературы

1. Устойчивый охотничий туризм [Текст]: хрестоматия / сост. Е. Ю. Базаров, А. С. Еремин. 2-е изд., исп. — Ирбит: Печатный вал, 2016. — 140 с.
2. Неистощительная охота: Лучшие примеры устойчивого использования охотничьих животных [Текст]. Серия технических публикаций CIC. — Вып. 1. — 2009. — 128 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.cic-sustainable-hunting-worldwide.org/projects/Best_practice_RU_approved.pdf (дата обращения 25.09.2016)
3. The Social Sustainability of Hunting Tourism in Northern Europe / Anne Matilainen, Susanna Keskinarkaus (eds.). — Helsinki, 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.helsinki.fi/ruralia/julkaisut/pdf/Reports59.pdf> (дата обращения 25.09.2016)

Для заметок

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ОХОТЫ
И ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Материалы

IV международной научно-практической конференции

(28-31 октября 2016 г.)

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 21.11.2016 г. Формат 60x84 1/32

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Тип Таймс.
Печать трафаретная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,2. Уч.-изд. л. 5,34.
Тираж 50 экз. Заказ № 254.
664025, г. Иркутск, ул.5-й Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru